

Царевна, царица, богатырь и птица

Автор:

Наталья Филимонова

Царевна, царица, богатырь и птица

Наталья Филимонова

Пищевые отравления поцелуями не лечат! Стало быть, если наследную царевну угораздило попробовать ядовитое яблочко, верным ее богатырям предстоит не о любви да поцелуях думать, а собираться на очередной подвиг. Шутка ли – раздобыть лекарство от самой смерти! А меж тем над Тридевятым царством сгущаются тучи. Коварная ведьма плетет интриги, воинственный король соседней страны готовится в поход, а по селам и городам ползут слухи один другого страшнее. И пока наследница то ратной науке обучается, то спит мертвым сном, справляться со всем этим придется ее сестре. Вторая книга дилогии!

Наталья Филимонова

Царевна, царица, богатырь и птица

Глава первая, в которой совершаются подвиги во имя прекрасной девы

Пещера горного дракона – лабиринт со множеством входов и отнорков. Говорят, блуждать в нем, не находя пути к солнцу, можно до самой смерти. Впрочем, вероятнее всего, она все равно будет быстрой. Не каждый самый отчаянный храбрец решится войти в эти пещеры. А уж встретиться лицом к лицу с их

чудовищным обитателем...

Отваги тому, кто крался по каменному проходу, было не занимать. Михайла, старшой особого отряда богатырей специального назначения из Тридевятого царства, не раз сражался с самыми жуткими и чудовищными тварями этого мира. И всегда выходил победителем. Однако сейчас кровь героя холодела в жилах от сознания того, что предстоит.

Это раздражало. Михайла привык смотреть в глаза любой опасности и не боялся никого и ничего на этом свете. Почти. Но теперь...

Еще и снаряжение это непривычное, неудобное. Мешает!

Эх, и надо ведь было взять себе именно это задание из шести! А ведь любой из богатырей готов был. Даже Святослав, самый юный в отряде, всего лишь ученик, рвался на подвиги во имя прекрасной царевны Алевтины Игнатъевны, наследницы престола и верной боевой подруги. И даже обиделся, кажется, что “самое опасное” задание старшой бесцеремонно присвоил себе.

Правда, Светика тогда же и осадили.

– Самое опасное, – вздохнул тогда мудрый Савелий, – все равно Ратмиру достанется... ему к государыне на доклад лететь!

Это было верно – колдуну предстояло сообщить государыне регенту о том, что сестрица ее отравлена. Значит, за жизнь отрядного лекаря никто теперь поручиться не может. Одна надежда – вдруг все же погодит Наина Гавриловна душисть вестника до той поры, когда царевну от смертного сна разбудят. А там, глядишь, на радостях и смилостивится.

Каждый день с начала похода Михайла не переставал думать о том, как нынче дела у названных братьев, отправившихся каждый на свой подвиг. Все они – опытные воины, даже юный Светик, но беспокойства это ничуть не умаляло.

Правда, сейчас, в пещере самого опасного чудовища мира, одолеть которое еще ни одному герою не удавалось, думать точно стоило не об этом. Михайла знал, на что шел.

Ближе ко входу в пещере было сыро, висились колонны сталактитов, а по полу кое-где бежали ручейки. Однако теперь воздух становился все суше и жарче, едва не потрескивал. Даже светящийся мох на стенах попадался все реже, и приходилось ступать осторожно, нащупывая дорогу.

Значит, цель близко.

И ведь понадобился для лекарства зуб именно гигантского горного дракона! Нет бы, к примеру, Горыныча. Уж с Горынычами-то всяко б договорились! Так нет же, непременно самый жуткий их родич нужен. В Тридевятиом горные драконы и вовсе не водятся – пришлось за ними в земли чужедальние ехать. И кто бы знал, чем этот подвиг великий обернется...

Впереди замаячил тусклый свет. Все верно, как ему и говорили – чародейные амулеты на стенах пещеры, гора сокровищ и чудовище, что ворочается на ней.

Михайла сделал еще один осторожный шаг – и задел ногой какой-то золотой сосуд, откатившийся от груды. Сосуд звякнул.

Чудовище подняло голову, помотало ей, разминаясь, а затем опустило, вытянув длинную гибкую шею, к полу пещеры и уставилось на богатыря.

Голова оказалась точнехонько высотой с человека, отнюдь не самого низкорослого в своем народе. Так что огромные глаза-плошки очутились как раз вровень с его глазами.

Дракон поморгал и зевнул, обдав богатыря смрадным дыханием и продемонстрировав клыки – размером с человеческую руку каждый. И лишь после этого взгляд его стал наконец осмысленным.

– П'ивет! – сказал дракон. – А ты кто?

Мужчина сглотнул, а чудовище поспешило представиться.

– А я – д'акон! – гордо сообщило оно. – А ты кто?

Михайла повел могучими плечами, тягостно вздохнул и обреченно пошевелил лопатками. За его спиной затрепетали наспех сколоченные из тонких реек и обтянутые тканью крылышки. Задумывались они как розовые, но свекольный сок оказался ядреным, так что крылышки вышли зловеще-багровыми.

Рейки предательски стукнули друг о друга и, стремясь заглушить их, Михайла снова протяжно вздохнул и сообщил печальным басом:

- А я - зубная фея...

Чудовище залупало глазами-плошками и пружинисто вскочило со своей горы сокровищ, которая тут же начала расползаться.

- У'а! - радостно завопило оно, слегка подпрыгивая и молотя в воздухе собственными крылышками - еще слишком маленькими, чтобы поднять его вес, зато вполне достаточными, чтобы богатыря едва не сносило ветром. - Как ха'ашо, что ты п'илетела! А я тебя ждал, так ждал! А ты еще п'илетишь?

Первый горный дракон, с которым Михайле удалось пообщаться, наотрез отказался от зубоврачебных процедур ради благотворительных целей. И даже на честный бой почему-то не согласился. Зато сообщил, что у него подрастает сынишка...

- П'и... тьфу, прилечу! - мрачно посулил богатырь. - Зуб давай.

Он протянул руку, на которой блеснула золотая монетка.

- А у меня т'и зуба выпало! - радостно сообщил дракончик.

- Все давай, - буркнул Михайла и полез за пазуху - добывать еще две монетки. У Ратмира в хозяйстве наверняка все сгодится. Но колдун старшему крепко должен будет!

- А ты покажешь к'ылышки? А у меня тоже есть к'ылышки! А твои к'асивые! А ты потом со мной летаешь?

Нячнуться с детишками – пожалуй, единственное занятие в мире, что могло бы напугать неустрашимого героя. И плевать, какого эти детишки размера!

Нет уж, в следующий раз пусть сам Ратмир за своими ингредиентами...
П'илетает!

*

– Верно, – она чуть наклонила голову, изучающе глядя на Савелия. – Ты справился и со второй загадкой.

Сфинкс оказался женского пола. У нее было нежное девичье лицо, длинные темные волосы и женская грудь, которую четвероногая красавица ничем не прикрывала и ничуть не смущалась. И, конечно, как и полагается сфинксу, у нее были тело львицы и огромные крылья.

Она сидела на валуне, когда-то бывшем частью крепостной стены. Давно забыли люди, что за страна здесь была когда-то и от кого оборонялись жители разрушенной древней крепости. Теперь кругом простиралась каменистая пустошь. Говорят, сфинксы любят такие руины.

Конечно же, это задание могло достаться только мудрому Савелию, большому любителю и знатоку загадок. Ведь известно, что победить сфинкса можно лишь одним способом – ответив на все его загадки. Иначе – не станет он даже сражаться, взмахнет сильными крылами да улетит. Говорят, если ответить верно на три загадки, жизнь сфинкса потеряет всякий смысл...

А еще сфинкс сразу предупредила: не ответишь хоть на одну – умрешь. В том, что ей удастся одолеть богатыря, она ничуть не сомневалась.

И к этому Савелий тоже был готов. Впервой ли ему жизнью рисковать?

За ответы же на все вопросы она обещала отдать то, за чем пришел герой. Видно, верно люди бают...

Странно, но две первые загадки сфинкса показались Савелию неожиданно простыми. И будто даже где-то когда-то он слышал их. Может, главное она приберегла напоследок?

– Слушай третью загадку. В далеком Двунаседьмом султанате есть особый зверинец... бестиарий. Там содержат в клетках монстров, чудищ и “прочих разных уродов, природе противных”. Так говорят хозяева. На одной из клеток в этом зверинце когда-то висела табличка. В ней просили гостей не делать кое-чего, что ты, герой, неплохо умеешь. Ответь мне – кто сидел в этой клетке.

Савелий на мгновение прикрыл глаза, чуть приподняв уголки губ.

Он много чего умеет. Сражаться на любом оружии или вовсе без оного. Побеждать. Совершать подвиги. Спасать тех, кто попал в беду. Идти или скакать верхом сутками напролет. Печь восхитительные пироги с зайчатинной. Давать всем вокруг мудрые советы, которым, конечно, никто не следует...

Да и завоевывать сердца непобедимых дев ему не впервой.

А еще он умеет разгадывать загадки.

И это единственное его умение, о котором точно знает сфинкс.

– Ты, – просто произнес Савелий. – В этой клетке была ты.

– Верно, – сфинкс оскалилась. – Они боялись, что если вдруг кто ответит на три мои загадки, ценный зверь умрет на месте... глупые люди. Что ж... ты не глуп. И достоин. Надеюсь, твой меч достаточно остер? Я не хотела бы умирать... долго.

Она чуть наклонила голову к плечу и едва заметно напружинила передние лапы.

Савелий, будто отразив ее движение, тоже слегка наклонил голову.

– Остер. Но я не стану его обнажать.

– Что ж так? – сфинкс смотрела на богатыря, чуть прищурившись. Ровно в самую душу заглядывала. – Разве тебе не нужно больше мое сердце? Ты не хочешь

исцелить спящую деву?

– Хочу. Нужно. Но не стану.

– Неужто ждешь, что я сама вырву себе сердце? – прекрасное лицо чудовищной девы помрачнело, а когти удлинились, впившись в камень и оставляя на нем царапины.

Савелий лишь покачал головой.

Одно он знал совершенно точно: нельзя исцелить от смерти – другой смертью. Не бывает зла для благих целей.

А еще он помнил рассказы Ратмира. Колдун уверял, что в хранилищах академии при Городе-у-Моря были все нужные ему ингредиенты. Да и в рецептах зелий сердце сфинкса порой попадалось – по его же словам. Ингредиент этот считался крайне редким и особо ценным, зато и магические свойства у него необыкновенные.

Каждый чародей, окончивший академию, дает магическую клятву не творить зла своим колдовством.

Савелий, отправляясь в путь, нарочно попросил Ратмира зачитать ему эту клятву. Конечно, тот помнил. Маги клялись не только не убивать сами, но и не потакать злу, ни делом, ни словом.

А это может означать только одно. Попросту не могло быть в хранилищах академии такого предмета, для добычи которого понадобилось убивать ни в чем не повинное разумное существо. И в книгах, разрешенных студентам, хранящихся в библиотеке академии, такой ингредиент упоминаться никак не мог. Ни один дипломированный маг не смог бы не только убить сфинкса сам, но и нанять кого-то для такого черного дела.

А значит, добыть то, что называют сердцем сфинкса, очень сложно – но для этого не нужно никого убивать.

И еще это значит, что на самом деле у сфинкса вовсе не три загадки.

- Сердце девы не отнимают силой, - произнес наконец Савелий.

Четвероногая дева озадаченно моргнула, а потом вдруг, откинув голову и хлопая крыльями, весело рассмеялась.

- Молодец! - сказала она наконец. - Справился.

- А что бы было, если бы я обнажил меч? - Савелию и в самом деле было интересно.

- Я бы тебя растерзала, - просто сообщила сфинкс, пожав плечами.

Она поднялась на своем камне и чуть отступила назад. Там, где только что покоились ее передние лапы - как раз возле царапин от когтей - обнаружился небольшой ярко-красный камешек.

- Его называют сердцем сфинкса, - кивнула она. - И его нельзя ни украсть, ни отнять силой - только получить в дар. Если каким-то чудом убить настоящего хозяина сердца, оно просто развеется. Каждый из нас создает такой из собственной магии. Чем древнее и мудрее сфинкс, тем больше его камень. Ты можешь взять его - ты честно заслужил.

Савелий сделал несколько шагов, приближаясь к валуну, осторожно протянул руку и взял камушек. "Сердце" смотрелось совершенно несерьезно - галька и галька, только и того, что красная. Впрочем, в пальцах камешек тотчас нагрелся, а затем Савелий ощутил и легкое покалывание.

- А ты? - он поднял голову на сфинкса. - Что будешь теперь делать? Надеюсь, не убьешься с горы, как болтают?

- Как ты это себе представляешь? - кажется, она даже удивилась. А для наглядности приподняла крыло и помахал им. - Нет, конечно. Буду создавать новое сердце... и придумывать загадки. Опять. Все заново!!!

Прекрасное девичье лицо вдруг скривилось.

- Знал бы ты, как я вас, умников, ненавижу!

*

– Жучку-то купи, милок! – дед ласково беззубо улыбался, помахивая кончиком веревки. На другом конце веревки была привязана за шею мелкая лохматая собачонка, которая радостно виляла хвостом, всем своим видом демонстрируя готовность идти за новым хозяином хоть на край света.

– На кой она мне? – удивился богатырь.

Юному Святославу выпало искать корень мандрагоры. Потому что нет справедливости в этом мире. Всем настоящие подвиги достались! Кому-то вон – на дракона идти! А ученику, как всегда, в огороде копать.

Ладно, не в огороде, а за тридевять земель. Но какая разница?! Что так, что сяк, не мечом, а лопатой махать придется.

Село расположилось на отшибе от обжитых мест, в стороне от всех дорог, и пробираться к нему было непросто. При всем том выглядело оно вполне процветающим – домики невеликие, но раскрашены яркими красками, заборы не облезлые, да и люди не хуже прочих одеты.

Говорили, что лишь жители этого села знают то место заповедное, тайное, где водится волшебная трава мандрагора. По слухам, и не всякому чужаку ту тайну открывают.

– Мандрагора – трава особая, – говорил Ратмир, напутствуя Светика. – Мозгов у нее не больше, чем у морковки. Зато, в отличие от морковки, она умеет за себя мстить. Когда ее вынимают из земли, раздается крик такой силы, что многие падают без чувств, глохнут, бывали случаи сердечных приступов. Оттого мракобесия всяческого вокруг нее немало...

Уже на окраине села решил прикупить лопату. Не в поход же с ней на плече было отправляться! Уж лучше на месте. У дедка и купил. Дедок, мелкий, как все в этих краях, да еще и скрюченный, с лысой головой и седой клочковатой бороденкой, хитро шурился.

– Дык знамо дело! – дед подергал собачонку за поводок и та неохотно твякнула. – Этую вашу мадрахору-то завсегда непременно с собакой ищуть.

– Что – по запаху? – удивился Светик. О каком-то особом запахе мандрагоры Ратмир не рассказывал. – Она что – нарочно натаскана?

– Та неее, – дедок махнул рукой. – Чего ее искать-то... Вона... Да ты слухай, чего знающие люди бають. Чародеи-то на ту мадрахору завсегда с черной псиной ходють. Али еще козла берут черного. Потому как трава та зело злючая, а всякого, кто к ней с лопатой, она, значить, насмерть воплями ухайдакивает! Как почнет орать, так тут все вокруг замертво и попадают. Вона как. Значитса, чтоб мстила не добытчику, нарочно собачонку черную и берут. Привязывают ее к той траве и бежать заставляють. Собака черная траву дергает, мадрахора собаку насмерть убивает, а чародею, значитса, корешок отот волшебный и достается. О как!

Светик поморгал и даже чуть потряс головой, будто пытаясь утрясти в ней услышанное. Собака какая-то черная... козел...

Он опустил глаза на Жучку. Жучка вывалила язык и радостно вильнула хвостом.

– Так она ж рыжая.

Дед тоже покосился на собачонку и пожал плечами.

– Дык поизвелись черные-то! Нетути.

Мимо как раз пробежала выпущенная из соседней калитки черная собака. Светик с дедком проводили ее глазами.

– Нетути, значить, – ничуть не смущаясь, продолжал старый пройдоха. – А козла тебе все одно не даст никто. Та шо той траве-то – рыжая, черная, шож она, не так орать станет? Бери Жучку!

Жучку стало жалко. Вот так живешь себе, горя не знаешь, двор, может, стережешь... в охранные способности мелкой шавки, правда, не слишком верилось. А хозяин тебя вот так запросто на смерть отправляет!

Светик уже почти было решился в самом деле купить собачонку – не для добычи мандрагоры, конечно, а так... пристроить ее, может, в другом селе...

Скрип калитки прервал размышления, и из ближайшего двора выглянула дородная приземистая баба в переднике.

– Ты пошто Жучку с цепи-то свел, старый? Совсем одурел?!

Светик мысленно выдохнул. Есть кому вступиться за животину – и ладно. Ему хлопот меньше.

Баба тем временем тумаками загнала дедка во двор вместе с собакой. В последний момент спохватившись, юный богатырь все же окликнул ее до того, как калитка снова захлопнулась.

– Постой! А где мандрагору-то искать?

Надо ведь и место вызнать то самое, заповедное...

– Ась? – баба обернулась и махнула рукой через улицу. – Так у Савишны в огороде. Разрослась проклятущая! А полоть-то Савишна и боится. Оттуда иди, милоч, она тебе и спасибо скажет...

Отчего вдруг в голос взвыл неустрашимый герой, баба так и не поняла.

...Тем же вечером герой выезжал из села с лопатой на плече и с плотно набитой чересседельной сумкой. Уже на ходу, злобно ругаясь сквозь зубы, выковыривал из ушей хлебный мякиш.

Собаки черные... козлы... экое, в самом деле-то, мракобесие! Подумаешь тоже, орет эта волшебная морковка. А они уж сразу и насочиняли! А все отчего? Да просто все эти селяне выпасться не пробовали, когда царевна с Олешком на два голоса храпят!

*

– И тут они все как давай рыдать! Очень слезливые оказались. А я между ними с флягой бегаю и кричу: “Вот сюда, пожалуйста! Будьте любезны!”

Акмаль повел руками, показывая, как подставлял русалкам флягу. Сама фляга – кожаная, изрядных размеров – была приторочена к седлу и многозначительно побулькивала.

Олешек только завистливо вздохнул. Дааа, кому-то вон с красавицами выпало беседы вести... пусть и с хвостатыми.

С другой стороны, оно и понятно: русалок-то из моря еще поди вымани. А выманить надо – иначе как поймешь, плачет она вообще или с нее просто так вода течет? Еще заморочить для начала хорошенько, чтоб посидела да подсохла. А там и разжалобить.

На кого ж девиц выманивать, как не Акмаля, хоть бы и хвостатых-чешуйчатых? Девки перед ним завсегда штабелями падали, всякие. Оно, конечно, засматривались-то на всех богатырей. Но чтобы так! А уж над трагической историей расставания с Гюзелью какая ж девица не разрыдается? Русалки и рыдали старательно, все четырнадцать штук. Вон, фляга полнехонька.

Самому Олешеку повезло куда как меньше.

Три богатыря встретились у кромки родного леса и ехали сейчас неторопливым шагом, обмениваясь своими историями. Спешить было некуда: остальным походы выпали в более дальние края. Михайла, небось, только добраться к тем драконам успел. Не говоря уже о Савелии – где там вообще та пустыня, кто знает?

– ...Золотой вожакom оказался. Злющий, как молодой Горыныч по весне! Поначалу-то ничего, я к нему, значит, сзади подкрался, думал кинжалом срежу незаметно, да и все... а тут рядом какая-то кобыла заржала. Он возьми да обернись!

Олешек замолк, не желая рассказывать, как золотой единорог едва не забодал неустрашимого героя. Как по всему полю гонял, а целый табун белогривых кобылиц радостно ржал, за погоней наблюдаючи. Уж потешил вожак своих кобыл, ой потешил...

И ведь главное, и отбиваться никак нельзя! Не убивать же того злющего жеребца. Все ж не чудище какое зловерное, а зверь волшебный, редкостный.

Зато в конце концов герою удалось-таки, извернувшись, вскочить на единорога верхом. Правда, задом. И вцепившись в вожденный хвост.

Кобылы, к слову, радостно ржать не перестали. Как вожак скакал волчком, высоко вскидывая задние ноги и пытаясь стряхнуть седока, им тоже понравилось. И как яростно всхрапывал, когда герой его за хвост отчаянно дергал.

На память о том поединке у Олешека осталось множество синяков по всему телу – там, куда единорог, бодаючи, доставал. Самые обидные – пониже спины. Хорошо хоть заговоренную кольчугу не пробил!

Ну и целый пучок золотой кудели, конечно. Некогда там волоски считать было!

– Вот ей-ей, лучше б ты к тем конягам пошел! – в сердцах заключил он. – У тебя с ними, копытными, всяко лучше получается.

Анжей промолчал. Он тоже считал, что с его заданием, вполне возможно, куда лучше справился бы Акмаль.

Хотя бы потому, что перо жар-птицы проще всего было не добыть – а выкрасть.

Где живут и гнездятся жар-птицы – того никто на свете не знает. Может, и вовсе на облаках где-нито.

Зато все точно знают, что жар-птицы падки на яблоки. Знаменитый яблоневый сад царя Берендея из Шестого царства они обносили подчистую. Вот и осерчал однажды царь, велел ловушек в саду понаставить, да всех вредителей и переловил.

С тех пор Шестое царство знаменито не только яблоневым царским садом, но и жар-птицами. Как оказалось, эти создания легко приручаются, если кормить их яблоками регулярно. Царский двор зимой экономит теперь на дровах, ибо терем отапливается клетками с птицами.

...Правда, сам терем пришлось на каменный перестраивать. Но царских любимиц никто не винил. Главное ведь, что не пострадал никто!

Летом только жарковато в тереме. Ну так сколько там того лета, в Шестом-то!

И кадки с водой всюду расставлены. На всякий случай!

Ясное дело, от всякой птицы в доме и пух, и перья летят. У царя Берендея все в ход идет. Хозяйственный он царь. А потому тот огненный пух и перья сенные да горничные девки в тюки собирают, а портнихи потом с ними перины да одеяла шьют. С подогревом выходят перины.

И спят на тех особых перинах – сам царь Берендей со своей царицей, да еще тридцать три его дочери.

Летом тяжело им, должно быть, спать. Да уж чего ради царского величия не потерпишь! Зато ни у кого таких больше нет.

Уж казалось бы – чего проще: столкнуться с любой из тридцати трех царевен... страшны они, правда, как Михайла в гневе. Краснолицые все какие-то, будто свеклой щеки мазали, да рука дрогнула. Раз сорок дрогнула.

Ну так для дела-то... А перину потом вспороть незаметно.

Только вот Анжей сразу будто наяву вообразил, как проснется Алевтина, да как примутся богатыри наперебой рассказывать о своих подвигах... и как промолчит он один. И как спросит царевна уже у него: а ты-то какой подвиг совершил для меня, ясновельможный пан? Что ответить тогда?

Словом, пришлось честь по чести договариваться с царем Берендеем. Рассказывать ему про красавицу, мертвым сном спящую. Просить, требовать...

Как водится у хозяйственных царей, Берендей свою выгоду упускать не стал – попросил отслужить три службы. Повернуть вспять реку, сровнять с землей гору да извести морское чудище, что прибрежные поселки разоряет.

За три службы Берендей таки отжалел герою перышко. Одно.

Даже, в виде особой милости, дозволил покормить жар-птицу яблочком.

Птица оказалась с петуха размером и такая же противная. Только что хвост пышный, красивый, огненный. Яблочко она мигом выхватила, а подателя еще и в руку клюнула.

А уж когда уходил богатырь из Шестого царства, изловили его портнихи да горничные и насовали полную котомку того пера с пухом. Вздыхали при этом томно все, как одна, завидуя незнакомой спящей красавице.

Словом – скучно все вышло у Анжея. И рассказать-то царевне будет не о чем. Так... работа. Будто и не выезжал из Тридевятого никуда...

– А это еще что? – Олешек вытаращился на прозрачную, едва заметно светящуюся стену, выросшую перед ними среди деревьев.

Анжей нахмурился. Он дольше был в отряде и видел уже такое.

– Защита, – ответил вместо него Акмаль. – Нас пропустить должна. Ратмир такую ставит, когда вовсе всем до единого разъезжаться приходится...

Тронув поводья, он первым двинулся прямо на стену. Анжей с Олешком двинулись следом, промедлив не дольше мгновения.

Стоило конским мордам прикоснуться к стене, та словно мигнула. А когда сквозь нее проходили богатыри, сверкнула – и будто молнией прошло, тряхнув, каждого. А еще миг спустя они были уже по другую сторону.

– Зверье она пропускает, кони и вовсе не чувт ничего, – пояснил снова Акмаль, обращаясь к Олешеку, совсем недавно закончившему свое ученичество.

– Странно, – Анжей продолжал сосредоточенно хмуриться. – Ратмир должен быть на месте... он ведь только на доклад к государыне собирался – и назад...

На входе в дом богатырей тряхнуло еще раз – однако войти снова удалось.

Вот только ни Ратмира, ни царевны в доме не обнаружилось.

...Царевна нашлась в итоге в каморке колдуна.

На двери висела приколотая кинжалом записка: “Осторожно! Злая мышь!”. Переглянувшись, богатыри разом пожали плечами, а стоявший ближе всех Акмаль потянул на себя ручку двери.

Чтобы тотчас же с негромким ругательством отшатнуться. Нет, Акмаль был отнюдь не робкого десятка. Просто очень уж это неожиданно – обнаружить за дверью ощеренную зеленую мышь с доброго пса размером.

Даже если тебя предупреждали.

Мышь заворчала, скалясь и переступая с лапы на лапу – точно как сторожевой пес, готовый броситься на каждого чужака, что посмеет войти на его территорию.

В глубине каморки, на длинном столе, где колдун готовил обычно свои зелья, виднелся прозрачный, будто хрустальный, короб, в котором лежала, сложив на груди руки, царевна Алевтина Игнатьевна.

Кто-то из богатырей пошевелился, и мышь, коротко рявкнув, кинулась.

Три руки впечатались в дверь одновременно, захлопывая ее.

– Ну... кажется, царевна в безопасности... – протянул Олешек.

– Да... – Анжей задумчиво почесал бровь. – Но где тогда Ратмир?

*

Наина, совсем не царственно шмыгнув носом, отвернулась от беспамятного богатыря. Хоть бы в себя пришел наконец! Вот что с ним теперь делать, что?!

Глава вторая, в которой государыня регент решительно не знает, что предпринять

...Колдун прилетел не в условленный день, предупредив лишь, что есть срочные вести. Не стал ничего объяснять по зеркалу – значит, и в самом деле важно.

К его появлению Наина успела совершенно известись, придумав сотни самых ужасных историй, которые могли случиться с бедовой сестренкой. Нет, надо наконец заканчивать это все и забирать Альку с заставы... поигралась и будет!

Как и всегда, вестник опустился на ее окно птицей, а на пол спрыгнул уже человеком. Как всегда, лицо его было каменно-неподвижным... нет, на этот раз каким-то уж излишне неподвижным.

– Я прошу, моя государыня, прежде выслушать меня до конца, а уж потом принимать решения.

– Говори же!

По мере того, как колдун вел свой рассказ – сухим, размеренным тоном, будто обычный отчет давал – в комнате будто становилось все жарче, а воздух – все тяжелее. Наина и сама не заметила, как повыветали шпильки из ее безупречной прически. Как разбежались змеями по плечам огненные волосы. Как начал потрескивать воздух вокруг них, а с пальцев принялись стекать искры. Запахло грозой.

Государыня регент привыкла держать лицо. Обещала выслушать – стало быть, выслушает. А уж затем решит, кого казнить, кого миловать.

Колдун, стоявший напротив, будто тоже не замечал происходящего с собеседницей. Ни тени страха не мелькнуло на его лице. Не дрогнул голос. Богатырь говорил сухо, кратко, емко, по существу.

Когда он наконец замолчал – может быть, чтоб показать, что завершил свой рассказ и ждет теперь высочайшей воли, а может, просто хотел набрать воздуха в легкие – Наина все же не выдержала. Слишком оглушенной она чувствовала себя, слишком больно было сейчас думать об Альке. Лучше... лучше уж злиться. На всех этих семерых воинов, что не смогли уследить за одной девчонкой. На этого конкретного колдуна, что ведет себя так спокойно, будто не ждет приказа о собственной казни сей же миг.

– Значит... – медленно произнесла она, – ты прилетел сказать, что моя сестра мертва?

– Обратимо мертва, – поправил колдун. – Условие, поставленное автором заклятого яда, оказалось невыполнимо. И все же – царевна сейчас лишь на пороге смерти, не переступила его. Излечить ее можно только с помощью противоядия. Но готового противоядия к этому яду не существует...

Наина наконец почувствовала, что ладони становятся слишком жарко – приподняла руку и удивленно стряхнула с ладони сноп искр. Слова колдуна звучали сейчас будто издалека, казались пустыми, никчемными...

Снова сама, сама во всем виновата. Не уследила, не подумала, приняла неверное решение.

– Государыня! – богатырь наконец поднял почтительно склоненную голову и посмотрел Наине прямо в глаза. Голос его впервые зазвучал с жаром. – Я понимаю, вы боитесь доверять жизнь сестры колдуну-недоучке. Но поверьте – я один могу сейчас создать лекарство, что исцелит Алевтину Игнатьевну.

Слова мужчины с трудом пробивались сквозь гул в ушах к сознанию регента.

– Ты что же... – тихо начала она, – опыты на царевне собрался ставить?!

– Иного выхода нет, и не найдет его никто из магов в самом Городе-у-Моря...

Наина больше не слышала. И ни одной мысли в голове больше не было – одна лишь чистая, беспримесная ярость, в которую вплелось и вечное ее чувство вины, и страх не оправдать доверия царя Игната, и боль от потери сестры. Этот

мужчина – виноват! Она тоже, но он...

Чувствуя, как застилают глаза, Наина вскинула руку, с и ее пальцев сорвался огненный шар, а за ним второй. А следом в ее руке пылающим копьём возникла молния... Да, недоученная ведьма знала, что наверняка не сможет повредить колдуну, знающему и умеющему куда больше, чем она. Просто не смогла в этот миг удержать себя.

Богатырь не попытался уклониться или поставить защиту. Первый огненный шар, попав в грудь, отскочил от заговоренной кольчуги и упал, зашипев, на пол, рассыпаясь сотнями искр. Второй, уже падая, прожег сапог воина.

Колдун не дрогнул – он все продолжал говорить что-то об универсальном противоядии. Даже когда запахло паленым мясом.

Куда попала молния, Наина не увидела.

Богатырь больше не говорил. Но и не кричал. Постояв несколько мгновений, он наконец рухнул, как подкошенный.

И лишь тут Наина пришла в себя. Она ведь... она уверена была, что колдун закроется! Она не могла...

Вскрикнув, государыня регент... впрочем, сейчас – просто перепуганная девушка – кинулась к недвижимо лежащему на полу мужчине. Подхватив со стола кувшин, выплеснула из него всю воду на продолжавший тлеть сапог воина – и лишь затем вспомнила, что собственный огонь может и просто отозвать.

Шепотом ругая себя за недогадливость, торопливо повела руками, впитывая ринувшиеся к ней со всех сторон искры. А потом упала на колени перед богатырем.

В угольки не превратился – стало быть, прямым ударом по открытой коже не попала. Хороши кольчуги у царских богатырей! На совесть заговорены. А все же хоть краешком да задело, раз упал. Девушка склонилась к самому лицу лежащего.

Жив... жив! Дыхание едва заметное, рвется, затихая порой, но ведь есть!

Вот только что же с ним теперь делать?!

И... кто же теперь приготовит лекарство для Альки?

Наина вцепилась себе в волосы. Ох, что же она натворила...

- На помощь надо кого позвать...

- Не вздумай! - окрик со стороны стола заставил вздрогнуть.

Зеркало. Ну конечно, это просто зеркало. Ее всегда рассуждающее здраво отражение.

- Что ты людям о нем скажешь? Мужчина в покоях незамужней девицы! Да еще мимо стражи не проходил, стало быть, ходы знает тайные. Это Альке можно хоть с семью богатырями жить - все поверят, что наследная царица учится. А о тебе - сама знаешь, тотчас шептаться начнут. Мол, кровь дурная, черная, не оправдала... А как такими шепотками Демар воспользуется, догадываешься?

- Но что тогда делать? - Наина всхлипнула.

- Сама его вылечить ты не сможешь, - деловито начало отражение, и девушка согласно кивнула. На первых курсах академии преподавали лишь основы лекарственного искусства. Она могла затянуть небольшую рану, остановить кровь, влить немного сил... но не залечить такие ожоги! - Но тебе и не надо. Придет в сознание - сам себя исцелит.

А ведь и верно! Ведь Ратмир почти закончил академию! Значит, и самоисцеление на старших курсах проходил. Вот только как же его в себя привести?

- Сил ему дай.

Точно. Как-то дурно соображает нынче Наина.

Положив руки на лоб богатыря, она принялась старательно, капля за каплей, вливать в него собственные силы. Щедро, не жалея.

Вот только уходили они, будто в бездонную бочку.

- Хватит! - окрикнуло отражение. - Не то сама скоро рядом рухнешь.

Девушка устало кивнула и вытерла испарину со лба. Рука слушалась с трудом. Противная слабость разливалась по всему телу.

Отняв вторую ладонь от лба мужчины, всмотрелась в его лицо. Как будто чуть порозовел? Дыхание стало ровнее.

Вот ведь дура криворукая, мысленно ругала она себя. Как молниями швыряться - так сколько угодно, а как что полезное сделать...

Ресницы мужчины дрогнули, и Наина поспешно наклонилась над ним.

С трудом приподняв тяжелые, будто свинцовые веки, Ратмир попытался сосредоточить взгляд. Мысли путались. Где он? Что произошло?

Туманное марево перед глазами никак не хотело рассеиваться, однако совсем близко в нем виднелось яркое пятно.

Моргнув, колдун сумел наконец сосредоточить взгляд. Лицо. Лицо девушки... очень знакомое лицо. Встревоженное, нахмуренное. Растрепанные волосы огненным облаком стоят вокруг головы.

Разлепить спекшиеся губы удалось с трудом. Голос и вовсе не слушался - хрип какой-то выходил взамен слов.

- Конопушка... - едва слышно выговорил он наконец и попытался улыбнуться. - А куда конопушки дела?

Наина растерянно моргнула.

– Вывела... – так же тихо ответила.

Сознание воина упорно уплывало, не давая сосредоточиться.

– Ну и дурочка, – пробормотал он, снова закрывая глаза.

И Наина, все так же сидевшая на полу рядом с колдуном, вдруг отчаянно разревелась.

*

– Интересно, он... бредил? Али вспомнит потом? – Наина все еще всхлипывала, но, по крайней мере, слезы перестали литься бесконечным водопадом. Будто все эти годы, занимая чужой трон и храня его для сестры, государыня регент запирала на замок свои чувства. Все обиды, вину, сожаления и боль. А они копились и копились где-то внутри темным океаном. И вот наконец сосуд переполнился, прорвало плотину. И как не было этих лет, когда несла Наина на себе одна непосильную ношу ответственности за целую страну.

– Лучше бы не вспомнил, – практично заметило ее отражение. – Тебе и дальше править, а ты вон – от одного слова раскисла, расхлюпилась. Затем ли я столько с тобой работала!

Не затем. Наина кивнула, хоть отражение и не могло видеть сейчас ее движения. Правительница все еще сидела на полу, а зеркало оставалось на своем месте на столе.

Впрочем, это не имело никакого значения, ведь зеркало лишь отражало, по сути, ее саму. Такую, какой она хотела бы стать.

А может быть, и не хотела. Может, просто считала, что такой она должна быть?

Зеркало было с ней так давно, что голос отражения Наина привыкла воспринимать почти как собственные мысли.

Правда, голос у него появился не сразу. Сначала это было обычное связанное зеркало – о других таких она услышала много позже, уже в академии. И даже научилась создавать их сама.

А еще это зеркало предназначалось не ей.

*

Дети порой бывают жестоки. А еще случается, они бездумно повторяют сказанное взрослыми, не сомневаясь в безусловной правоте старших. И даже не слишком те слова обдумывая.

Царю Игнату достались две не самые простые дочери.

Алевтина всегда была непоседлива и шалила чуть больше, чем все девочки и мальчики в ее возрасте. Или даже не чуть. Зато у нее был легкий характер и счастливая способность мгновенно завоевывать сердца людей. Если что-то ее злило или расстраивало, Алька немедленно высказывала все – и со спокойной душой тотчас забывала обиду. А потому и не сомневалась, что другие устроены так же в точности.

Наина же, всегда не по годам серьезная и ответственная, с детских лет была замкнута и нелюдима. При том характер у приемной дочери царя оказался взрывной, тяжелый. В отличие от младшенькой, она всегда стремилась до последнего избегать любых споров. Зато уж и запоминала все надолго. Она могла копить в себе обиды и дурные мысли, пока чаша не переполнится – и лишь тогда выплескивала разом все.

Дивно ли, что две такие разные девочки, несмотря на разницу в возрасте, ссорились по пять раз на дню? Впрочем, так же быстро они и мирились. И горе было тому, кто попытался бы помирить их в разгар ссоры – вот тогда-то они объединялись, и непрошеному миротворцу доставалось разом от обеих.

Наина не раз слышала от челяди шепотки за спиной. Как бы ни старалась она, что бы ни делала – а всегда находился кто-то, кто замечал лишь промахи.

Так уж устроены люди: всегда им надо чему-то завидовать. Уж казалось бы – в чем уж завидовать сироте, потерявшей обоих родителей? Да, получившей отца взамен, да какого! Но ведь и прежних матушку с батюшкой она любила и помнила. А царские наряды и почести ей, маленькой, были и вовсе безразличны.

Все знали, почему Наина стала царским приемышем. Все признавали вроде бы подвиг ее родителей. Вот только... Наининой-то заслуги в том вроде как нет никакой. Сама-то девочка ничем не отличается от прочих. Так рассуждала каждая нянька или горничная, у которой подрастала собственная дочь. Прислугу в царском тереме сроду не обижали, кто работал хорошо, тот и жил справно. А только можно ли сравнить наряды да уборы царской дочки вроде как – и дочки этой самой горничной? Вот и завидовали Наине сверстницы, их матери, да и просто сенные девки. Боярыни да боярышни украдкой смотрели разом и свысока – и ревниво. Урожденная царевна-то – ясно, иная кровь, никому не ровня, не зря и сияет чисто солнышко. А этой, угрюмой да конопатой, конюховой дочке – за что счастье эдакое?

Наина старалась не обращать внимания, не слушать. Не отвечать. Но помнила все.

Она была уже нескладным худым подростком, когда узнала, что и маленькая сестренка слышит все эти разговоры и шепотки за спиной. При детях взрослые нередко не стесняются обсуждать то, что ни за что не решились бы повторить при их родителях. А маленький – да что он, мол, поймет!

...Из-за чего они с Алькой в тот раз поругались, Наина потом и не помнила. Была какая-то очередная ссора – да сколько их таких было!

Вот только в этот раз в пылу ссоры, стремясь побольнее уязвить сестру – а может, и попросту не задумываясь, семилетняя царевна перешла черту. Черту, о которой сама Алька по малолетству и не подозревала. Просто повторила услышанное накануне от няньки, судачившей с горничной.

– Да ты мне и не сестра никакая, и царевна не настоящая! И батюшка тебя вовсе не любит, по долгу привечает только! Конюхова дочка!

Ничего Наина тогда не ответила. Просто не смогла. Задохнулась, пытаюсь проглотить неведомо откуда взявшийся колючий ком в горле. Резануло глаза. В

ушах зашумело.

Было ощущение, будто ее ударили – по лицу, наотмашь. Больно.

Пересуды за спиной – это пусть, на это она приучилась не обращать внимания. Или хотя бы делать вид. Отмахиваться от собственных страхов и дурных мыслей. Но услышать это от сестренки, той, которую всегда оберегала, защищала от отцовского гнева, утешала, которой читала на ночь сказки и которой единственной шепотом поверяла свои секреты... той, что стала самым близким на свете человеком после смерти родителей – это оказалось слишком.

Потом она не раз думала о том, что могла бы ответить. Например, что своим отцом-конюхом она, четырнадцатилетняя царица Наина Гавриловна, заслуженно гордится. Как и матерью-горничной. Как и приемным отцом-царем. По праву.

Многое, в общем-то, она могла бы сказать.

Но тогда она попросту развернулась и ушла. Из светелки, из терема, с царского двора.

Алька не раз убегала со двора так, что искали ее всем миром. Не зря говорят – мол, у семи нянек дитя без глаза. Но за Наиной никогда так пристально не следили. Она ведь и не пыталась сроду скрыться от челяди. А вот все черные ходы да тайные лазейки со двора знала отлично, спасибо младшей царице.

В тот раз – единственный раз в жизни – Наина поступила совсем как малолетняя сестренка. Просто убежала, задыхаясь от слез. Видеть собственные покои сейчас не хотелось. Ей ведь сказали только что – в очередной раз! – что она их и не достойна!

Брела по улицам столицы, не разбирая дороги, не глядя под ноги и ничего не видя перед собой. И лишь наткнувшись на препятствие, пришла наконец в себя.

– Ой! – оказалось, Наина едва не сшибла с ног пожилую женщину. Да еще и корзину с яблоками у той из рук выбила! Яблоки дробно рассыпались по мостовой, покатались в разные стороны. – Простите, неба ради, я все соберу, я...

Высокая старуха в серой мантии с капюшоном пристально смотрела на нее, потирая подбородок. Из-под капюшона выбивалась пакля спутанных седых волос. Длинный нос едва не касался подбородка, а у краешка безгубого рта притаилась бородавка. Смотреть на старуху было не слишком приятно, и Наина опустила глаза. Яблоки... точно! Надо собрать яблоки.

*

Яблоки девочка собирала будто в трансе. А старуха стояла и молча пристально разглядывала ее.

- Вот! - Наина протянула вновь полную корзину. - Простите...

Старуха, продолжая молчать, пожевала безгубым ртом, и девочка вдруг заметила, как потемнели побитые о твердую брусчатку бока яблок. А ведь такие красивые, красные... на продажу небось несла. Вот и злится теперь. А вдруг это единственный заработок бедной старой женщины? Вон и одета она в хламиду, и корзины тяжелые таскает сама... небось вовсе нищенствует!

- А хотите, я заплачу за них? - виновато пробормотала Наина, однако старуха лишь едва заметно качнула головой. - Ну... давайте, хоть донести вам помогу, что ли?

Нищенка или нет, а ее молчаливая собеседница наконец величественно кивнула и пошла вперед - да так быстро, как никто не ожидал бы от такой старой женщины. Наине в обнимку с тяжелой корзиной оставалось только припустить следом.

- И чья же ты такая, маленькая ведьма? - обронила наконец старуха.

Обижаться Наина не стала. Есть за что на нее злиться - вот и обзывается несчастная женщина.

- Царева, - буркнула она.

– Вот как? – старуха кинула на нее неожиданно острый и внимательный взгляд из-под седых бровей. – Царевна, значит...

– Угу.

Кивнув – будто не столько Наине, сколько собственным мыслям, женщина еще быстрее пошла вперед.

И снова разбирать дорогу оказалось недосуг. Тут бы серый балахон не потерять из виду! А потому ни по сторонам, ни под ноги Наина вовсе не смотрела. И даже не поняла, когда и как оказалась вдруг не на улице – а в чьих-то сенях. Потемневшие от времени бревенчатые стены, деревянные сундуки и скамьи, а по стенам развешаны бесчисленные пучки трав. Озираясь кругом, девочка шагнула следом за хозяйкой в горницу. И обомлела.

Прямо на деревянном полу, ничего не поджигая вокруг, горел небольшой костер. А над ним подвешен был огромный котел с побулькивающим варевом. Еще несколько костерков обнаружались на деревянном же столе – и над ними кипятились котлы помельче. Вдоль стен располагались бесчисленные полки, а на них – чего только не было! Сверкающие фиалы и хрустальные шары соседствовали с пучками сушеных мышей – простых и летучих. В банках копошились пауки и мелкие гады. Были здесь и золотые слитки рядом со связками грибов. И драгоценные камни, небрежно ссыпанные в чаши. И чучела неведомых животных. И неизвестно чьи кости – судя по изогнутым острым зубам, не человечески никак, и хоть это слегка утешало. И травы – сушеные травы были повсюду.

– Корзину на стол ставь, – кивнула хозяйка дома. – Попортила ты мне опытный материал, ну да уж царевне прощу, так и быть...

– Ненастоящая я царевна, – почему-то решила сообщить Наина.

– Вот как? – старуха окинула ее взглядом и вдруг усмехнулась. – А ведьма – настоящая. Да не пыхти так, я-то уж вижу. Урожденная ведьма, да сильная... Подучиться бы тебе. Ну-ка, что тут у нас... основная стихия – огонь, ну да тут и сомневаться нечего. Вторая... забавно. Вторая – вода. Непростой у тебя нрав, должно быть, ненастоящая царевна.

Наина вскинулась. Ведьма?! Чародейка! Неужели... неужели и впрямь есть в ней что-то особенное? Что-то, чем она сама бы гордиться могла – и неважно, кто ее родители, чем славны. Что-то ее собственное. Свое. Настоящее!

– А вы... вы можете меня научить?

В том, что перед ней именно колдунья, сомнений уж никаких не оставалось.

– Могла бы, пожалуй. Но не стану. Недосуг мне учениц брать. Подрастешь – пойдешь в эту вашу академию. Вы нынче все там учитесь. Оттого и беззубой вся молодежь растет. Неумехи! Зла они, видите ли, не чинят... – ведьма сплюнула прямо на пол. – Захочешь – сама о своем будущем позаботишься. А ты мне расскажи-ка лучше, что значит “ненастоящая царевна”?

Старуха пристально посмотрела ей в глаза, и девочка вдруг почувствовала непонятно откуда взявшееся доверие к ней. Будто сидела перед ней не то ласковая нянюшка, не то родная бабушка, какой у нее сроду не было.

Наина выложила все, как на духу. Про свою семью – родную и приемную. Про шепотки, про злых няnek и завистливых боярышень. Про сестренку – любимую, вредную.

Про Альку ведьма выпрашивала особенно тщательно. Колдунью интересовало все: и что за нрав у маленькой царевны, и за что ее так любят все.

– Что ж, – задумчиво заключила она наконец, помешивая варево в большом котле. – Может, и подойдет... попробуем. Вот что, ненастоящая царевна. Возвращайся-ка ты домой. Тебя уж и обыскались небось. А с сестренкой помирись – на то и сестры, чтоб мириться да ссориться. Возьми-ка вот.

Тут колдунья, потянувшись к одной из полок, сняла с нее пару небольших ручных зеркал в чеканных рамках.

– Подаришь сестренке, она тебя и простит.

Девочка хотела было возмутиться – ее Алька простит? Да ведь это Альке в пору у нее, Наины, прощения просить! Маленькая или нет, а в тот миг уж точно

понимала, что обидные, злые слова говорит! Уж не Наине тут извиняться да зеркалами отдариваться!

Но сказала она все же другое.

– А на что ей два-то?

– Пригодятся. Волшебные это зеркала. Одно пусть отдаст тому, кого пуще жизни полюбит. Расскажешь ей... сказочку какую. Ты ведь любишь ей сказки рассказывать?

А Наине вдруг стало до дрожи обидно. Даже эта... ведьма вроде как, такая же, как она сама! Даже колдунья не принимает в расчет старшую, “ненстоящую” царевну. Все всегда одной только Алевтине, младшенькой, наследнице! Даже зеркала чародейные – и те ей. В утешение. Хотя в чем ее утешать-то?!

Одно зеркальце она Алевтине все-таки подарила. А другое себе оставила. Она тоже царевна! Уж какая ни на есть.

Надо сказать, Алька к подарку отнеслась как к любой безделушке – кивнула, поблагодарила сердечно, да и закинула в какой-то сундук. Сколько у царевны зеркал-то!

После и вовсе, как оказалось, перед побегом в окошко выбросила.

А вот Наина свое зеркальце хранила, как зеницу ока. Волшебное ведь! Оно напоминало ей о том, кто она есть. Чем она тоже – особенная.

Вот разве жалела после, что так и не выпросила у колдуньи, в чем же сила тех зеркал.

Об этом довелось узнать много позднее – уже в академии, на чародейском факультете. Зеркала связи изучали на одном из уроков – и были среди них такие, какими и вовсе не волшебники пользоваться могут. Достойный дар, ничего не сказать. Кабы в верные руки попал.

А потом и вовсе вышло с этим зеркалом у Наины леший знает что.

*

Окончив факультет управления государством, Наина – наконец-то! – смогла поступить и туда, куда мечтала: на чародейский. И... будто оказалась вдруг совсем в другой академии. Начиная еще с общежития: вместо отдельных покоев для каждого студента здесь оказались общие опочивальни, где жили по два-три человека. Между собой студенты держались и вовсе запросто – при том, что среди них встречались как простолюдины, так и дворяне. А каждое занятие становилось не обязанностью, а увлекательным приключением.

А еще у Наины впервые появились подруги – ее соседки по опочивальне. Сама она по-прежнему предпочитала не раскрывать себя. Кому и зачем нужно знать, кто она такая? Просто ведьма Ная из Тридевятого. И пусть судят не по званию, а по сути.

Впервые старшая царевна ощущала себя на своем месте. И порой казалось, будто за спиной вырастают крылья.

Вот разве что собственная внешность по-прежнему не радовала. Подружки давно хвастались наперебой женихами да ухажерами, и только у рыжей Наи не было никого. Сказать откровенно, парней она и вовсе сторонилась – не то чтоб побаивалась, просто не знала, как с ними общаться. Вспоминала теперь, как легко несколько лет назад сама подошла к второкурснику Ратмиру – и краснела от этого. Очень уж хотелось тогда учиться! Теперь же, когда заговаривал с ней кто-то из сокурсников-юношей, язык будто отнимался, а глаза сами собой опускались в пол.

Впрочем, об ухажерах Ная и не мечтала. Да и о любви.

Единственный парень, что нравился ей столько лет, никогда не видел в ней девушку. А однажды появились слухи, что у Ратмира есть возлюбленная в городе. И скрывает он ее – оттого что она замужем. Что будто бы едва ли не сама блистательная Изабелла, супруга градоправителя и первая в Городе-у-Моря красавица, свой благосклонный взор на него обратила...

А потом великолепная Изабелла умерла, нелепо и глупо. Вслед за ней ушел из жизни и ее супруг – говорили, что от горя. И вскоре – исчез лучший студент академии.

И слухи, слухи... одни болтали, будто Ратмир тоже не вынес горя, наложил на себя руки или ушел в монахи. Другие – будто он убил возлюбленную и ее мужа. Были и такие, кто уверял, что несравненную Изабеллу убил ревнивый супруг, а уж с тем расправился ее безутешный любовник...

Изабеллу Линден Ная видела как-то мельком, пока та была жива. Блистательная супруга градоправителя и впрямь была несравненна – с ее нежным лицом, трепетными ресницами, тонкими чертами, фарфоровой белоснежной кожей, белокурыми локонами, грациозными движениями... В зеркале юная ведьма видела каждое утро все ту же конопатую растрепанную нескладеху. И понимала, что никогда ей с такими, как Изабелла, не равняться.

А и не надо! И любви никакой ей не надо, если от той любви люди то глупости, то гнусности творят. А то и вовсе – академию бросают!

И все же... вот была бы она – такой, может, и не шептались бы за спиной ни боярышни, ни няньки. Может, Ратмир бы смотрел... впрочем, нет, вот его взглядов точно не надо!

...Связные зеркала проходили уже на втором курсе. Поняв, что за артефакт она хранит годами как талисман, Ная загорелась не только изучить его свойства, но и усовершенствовать. Об этом выбрала и тему своей курсовой работы.

К курсовым начинали готовиться едва ли не с первого учебного дня. Студенты обсуждали между собой свои темы, спорили, помогали друг другу, вместе ходили в библиотеку искать материалы.

В тот раз второкурсницы отправились в библиотеку большой компанией – собрались девушки разом из трех комнат, восемь человек. И работали себе каждая со своей темой – пока не прибежал какой-то парень, звать всех в общую гостиную. Кто-то отмечал день рождения, и приглашены были без исключения все.

Ная сама тогда вызвалась отнести все записи в общежитие. Пусть себе прочие веселятся, а она еще поработает. Утром девчата зайдут в ее с соседками опочивальню, да разберут сами свои бумаги.

Но в гостиную ее все-таки затащили. Да еще и вина за именинника выпить заставили, как ни противилась. Не то ведь не по-людски!

Вино Ная пила впервые в жизни. Показалось оно кислым и совсем невкусным. Но за компанию-то чего не сделаешь! Да и что плохого может случиться?

После второго бокала девушка встала и вдруг обнаружила, что стены странно качаются. Остатки здравого смысла напомнили, что стоит вернуться в опочивальню. А еще ведь что-то надо было сделать... точно! Ведь она обещала отнести все записи сокурсниц в общежитие!

Подхватив стопку бумаг, нетвердой походкой Ная направилась в общежитие. Приходилось постоянно напоминать себе, что засыпать стоя прямо посреди лестницы, к примеру, не следует. Мысли путались.

А уже распахнув дверь своей опочивальни, девушка споткнулась о порожек и растянулась на полу, рассыпав вокруг себя бумаги из стопки, что так бережно несла всю дорогу. Листы разлетелись во все стороны – на пол, на постели, на письменные столы, какие-то, покружив, нырнули под шкаф...

Охнув, Ная поднялась на коленки и принялась ползать по полу, собирая листы. Да ведь здесь работы восьми студенток! Как же теперь их разобрать-то, когда они все вперемешку?

Мудрая мысль, что утро вечера мудренее, отчего-то не пришла в тот миг в голову. Собрав наконец все листы в растрепанную стопку, Ная присела за стол и отважно решила попытаться немедленно заново собрать все работы. Наверняка ведь по теме можно будет понять, какие расчеты и заклинания к чему относятся?

Для начала – восемь тем. Ага, вот эта ее собственная – “Модификация зеркал связи”. “Одушевление предметов” – это подружки Светлы работа. “Исполнение желаний” – а это чье, интересно? Впрочем, какая разница...

Дальше дело застопорилось. Почему-то вдруг оказалось, что такие знакомые заклинания и формулы – даже свои собственные! – превратились в какую-то абракадабру, и понять в ней ровным счетом ничего невозможно. И уж тем более – связать воедино!

В этот миг юной ведьме пришла в голову гениальная, как ей тогда показалось, идея. Надо просто попробовать применить каждое заклятие – и тогда станет ясно, для чего оно и к какой теме относится! Вот только на чем бы все испробовать?

Взгляд упал на единственный предмет, что лежал на столе Наи всегда – ее зеркальце-талисман. Оно же – опытный образец для собственных исследований. Точно! Лучше и не придумать. Значит, сейчас и попробуем. Кажется, вот этот лист должен следовать за этим, но надо проверить точно...

Вернувшиеся много позже соседки застали Наю спящей сидя за столом – и с зеркальцем в руках. Кое-как ее удалось растолкать, чтобы легла в постель.

...Бумаги потом со смехом, с шутками и прибаутками, разбирали все вместе, набившись в восьмером в тесную опочивальню на троих. Как оказалось, некоторые листы так и пропали тогда. Впрочем, сердиться на Наю никто и не подумал. И вроде бы все обошлось.

Так юная ведьма думала несколько дней – пока однажды, оставшись одна в комнате, не взяла в руки свое зеркальце.

– Свет мой, зеркальце, скажи... – пробормотала она. – Хотя что ты мне хорошего сказать можешь...

– Хорошего – ничего, – неожиданно ответил ее же собственный голос из зеркала.

От неожиданности Ная едва не выпустила зеркальце из рук.

– Что за леший?!

– Сама ты леший, – скривилось ее отражение. – А я – уникальный артефакт, творение девяти ведьм.

Ная моргнула. Девять ведьм... тотчас вспомнились попытки колдовать над зеркалом. Хорошо, одна – она... и семь ее сокурсниц, создательниц тех заклинаний. А еще... чародейка, что заклала зеркало?

– Я-то точно не леший, – все-таки возразила юная колдунья. – Я царевна...

– Ой, да какая из тебя царевна, – зевнула отраженная Ная.

– Никакая... – тоскливо согласилась Ная-настоящая. – Такой, какой должна быть царевна, мне никогда не стать, наверное. Похоже, что и ведьма из меня тоже не очень-то. Что же я, интересно, наворотила тогда?

– Свое спасение, – без всяких сомнений сообщил голос из зеркала. – Знала бы ты, какая тоска тебя отражать. Вот если, скажем...

И отражение вдруг неуловимо изменилось. Волосы, всегда небрежно заплетенные, с выбивающимися прядями – разгладились и улеглись в безупречную прическу, открывающую шею. Расправились плечи. Кожа, которую злоязыкие служанки звали “рябой”, выбелилась. Взгляд стал уверенным и прямым. Все лицо стало вдруг будто старше и строже.

...В зеркале отражалась величественная красавица – царственная, безупречная. Куда там супруге градоправителя Линдена!

– Это не я, – убежденно произнесла Ная.

– Конечно, не ты, – красавица в зеркале повела точеным плечом. – Пока не ты. Расправь-ка для начала плечи... спину держи! И не хлопай глазами. Ох и много работы с тобой будет!

*

Зеркало стало для Наины самым верным советчиком – и самой доверенной наперсницей. Все прочие – или льстят, или преследуют свои цели. Лишь собственное отражение всегда скажет все без прикрас. А когда надо – и отругает.

– Вспомнит он или нет – главное, чтоб ты себя помнила, – ворчало оно сейчас. – Не забывай – он тебе нужен!

– Ох, – Наина схватилась за голову. – Лекарство для Альки!

Верно, ведь Ратмир – единственный, кто наверняка сможет вылечить. Своим противоядием он бредил еще тогда, когда учился на втором курсе. В том, что у него в конце концов все непременно должно было получиться, правительница и не сомневалась. Он всегда был талантлив. Значит, вылечит. Справится. Вот только в себя пусть придет...

Ну вот – Алька там совсем одна, лежит ровно мертвая, а единственный, кто помочь ей может, без чувств тут валяется. Потому как сестра ее старшая, как оказалось, так и не научилась держать себя в руках!

– Не только. Ты ведь помнишь о последних донесениях от границы?

Правительница моргнула. Да... донесения. Она ведь намеревалась отправить сокола в разведку! Кто кроме него сможет справиться с этой задачей?

Впрочем, сейчас, как бы ни было, главное – Алевтина. Будет жива наследница – все будет иметь смысл.

А ведь и забирать ее от заставы теперь вовсе не ко времени будет...

Наина провела по лицу рукой.

– Ладно. В себя придет – сам исцелится. Я в него, сколько могла, влила сил. А теперь-то что с ним делать? Сколько он так пролежит? Ну как войдет кто? Я-то не пушу, так ведь и от двери увидят. Писарь с докладом, горничная с метлой...

Зеркало, казалось, задумалось.

– Ну... откати его в уголок, что ли.

...Никогда и никому не стала бы рассказывать правительница Тридевятого царства, государыня регент Наина Гавриловна, как пыхла, пытаясь сдвинуть с места богатыря – да хоть на локоть!

Поначалу-то казалось – поднатужиться, да в опочивальню его снести, на постель уложить, по-людски все же.

Впрочем, от этой мысли пришлось отказаться сразу. Колдун, как все богатыри, был мужчиной высоким и крупным. А ведь на нем еще и кольчуга, и прочего железа немеряно! Пришлось принести из опочивальни покрывало, да прямо на полу постелить. В уголке, за конторкой – чтоб от двери не видать было. Большого она бы при всем желании для воина не смогла сделать. Пыталась мужчину за ворот волоком тащить – едва не надорвалась. В конце концов пришлось и впрямь... откатывать.

– Что ж вы, богатыри... едите-то... чтоб вас... – катить тоже оказалось не самой простой задачей, так что и дышалось-то от натуги тяжело, и на лбу испарина выступила. – Железа на себя... понавешают...

Приходилось прерываться, усаживаясь рядом, прямо на полу. Сидела, разглядывая бледное лицо колдуна.

Никогда красавцем не был. Почти и не изменился... впрочем – изменился, конечно! Старше стал. Тверже. Вот этой жесткой складки у тонких губ раньше не было. И морщинки хмурой между бровей, так и тянет ее пальцами разгладить. Брови черные, нос с горбинкой – все те же. Глаза закрыты сейчас, но они – точно не изменились, Ная помнила. Карие, а у самого зрачка – почти желтые, как у птицы, в которую он обращается.

И наверняка раньше он не был таким тяжеленным!

Ох и трудная это работа – богатырей по полу катать...

Управившись наконец, Наина чувствовала себя так, будто гору руками двигала. Даже плечи теперь ныли.

Впрочем, прежде чем позволить себе отдохнуть, девушка все же попыталась устроить пострадавшего насколько возможно – расправила под ним покрывало, подложила под голову подушку, после и вовсе сбегала за платком, смочила его водой из графина, отерла мужчине лицо.

Когда Наина наконец выпрямилась и тяжело оперлась о столешницу над зеркалом, пытаясь все-таки отдышаться, отражение, взглянув на нее, расхохоталось.

– Ох и вид у тебя... государыня регент!

*

Сознание возвращалось медленно. Какой-то был сон... теплый, светлый. Когда же Ратмир успел заснуть? Колдун моргнул, разглядывая высокий потолок.

Было что-то важное... царевна. Он летел на доклад... правительница! Сколько же времени прошло?

С трудом удалось повернуть голову.

Государыня регент что-то писала, сидя за конторкой. Как всегда – безупречная. Волосы уложены волосок к волоску, прямая спина, лицо не выражает ровным счетом ничего. Будто и не она молниями швырялась.

Словно почувствовав его взгляд, Наина Гавриловна подняла голову и отложила перо.

– Проснулся наконец? Надеюсь, исцелить себя в силах? Хорошо. Сейчас полетишь на заставу. Я дам вашему отряду еще один шанс. Как только Алевтина Игнатьевна будет здорова – сообщишь мне по зеркалу. – Голос был тоже, как всегда, чуть прохладным и ровным. Она говорила так, словно ни на миг не сомневалась, что у колдуна-недоучки все получится. – Все текущие обращения населения в ближайшее время перенаправлять страже. Задача отряда – стеречь царевну и выяснить все, что возможно, о попытке отравления. А ты... для тебя задача будет отдельная.

Глава третья, в которой царевна просыпается после долгого сна

– Еще глоточек за Светика... глоточек за Олешека... и глоточек за Наину Гавриловну...

Голос Савелия бормотал какую-то несусветную чушь где-то на краю сознания, но уловить смысл никак не выходило.

А первым отчетливым ощущением оказался вкус. До того мерзкий да гадкий, что глаза сами собой распахнулись на пол-лица, а тело просто подбросило – и Алька села.

И выплюнула изо рта ложку, безотчетным движением отмахнувшись от чьей-то руки и тотчас вытерев губы. Ох и пакость же!

А затем принялась диковато озираться. Вроде бы она дома, на лесной заставе. Только не в своей постели почему-то. И все семь богатырей разом столпились вокруг, замерли.

– Алевтина! – первым придушенно воскликнул младший из воинов – Светик. И тут будто прорвало плотину. Братья шумно радовались, хлопали друг друга по плечам, радостно смеялись, о чем-то спрашивали...

Поморгав, Алька наконец поняла: она почему-то на столе. В каком-то... ящике. Протянула руку и недоверчиво потрогала прозрачный бортик – не то ледяной, не то хрустальный.

– Это... это что же... это гроб?! Вы меня в домовину засунули?!

Ратмир, единственный из богатырей так и не улыбнувшийся, наконец разжал губы.

– Стазис-ларь. Для сохранности тела.

- Тела?!

Царевна медленно перевела на него взгляд. Она чувствовала себя на диво выпавшейся. И отлично помнила, когда так чудно высыпалась в прошлый раз. И кто был тому виной.

- Тыыы, - она злобно сузила глаза. - Да как ты посмел...

Ратмир лишь едва заметно хмыкнул и пожал плечами. А отвечать не стал. Провел рукой над ее головой и кивнул - не ей, братьям.

- Состояние пациентки не вызывает опасений.

А затем развернулся и направился к лестнице наверх.

- Стой, гад! - Алька попыталась вскочить, но поняла, что этак скорее перевернет свою хрустальную домовину - то-то осколков будет! Как же теперь выбраться отсюда-то? - Стой, говорю, я с тобой не закончила!

Колдун лишь дернул плечом на ходу, будто от надоедливой мухи отмахивался. И Алька бы, пожалуй, сказала и еще что-нибудь гневное - да только вдруг заметила, как поднимаясь по ступенькам, пошатнулся чародей. Тотчас выровнялся и в молчании продолжил свой путь.

- Он уж седмицу, почитай, не спал, - негромко пояснил Савелий. - Зелье для тебя варил. А до того все силы выложил - ларь для тебя этот самый начаровывал. Потом и полетать еще пришлось...

- Седмицу... - медленно повторила Алька. - Сколько же я спала?!

*

Извиняться царевна Алевтина Игнатьевна не любила и не умела. Да и в чем ей перед кем-то каяться? Она всегда говорила честно и прямо, что думала. От души.

Да вот отчего-то на этот раз будто червячок какой внутри вертелся, зудел, покоя не давал. Оттого и место себе найти сложно, и дела из рук валяются.

А этого колдунишку еще поди-ка найди да застань одного! Не при всех же в грехах каяться. А он то спит беспробудно посреди дня. То вон опять собрался куда-то. А сам черный, щеки ввалились, нос заострился, под глазами тени залегли... Встретила бы где такого – испугалась. Как есть чародей злющий!

Застать колдуна удалось перед самым отлетом. Он успел выдать Михайле запас самых необходимых зелий и мазей, оставить Савелию наставления по уходу за недавно пришедшей в себя девушкой, собрать что-то в поясную суму – да и вышел из избы.

Едва успела царевна выскочить следом – колдун собирался уже оборачиваться.

– Ратмир! Постой...

Маг обернулся.

– Я хотела... мне Савелий все рассказал, – слова посыпались из Альки, точно горошины. Заставляя себя подойти ближе, она через силу сделала шаг вперед. И еще один. – Что я сама виновата, и не надо было это яблоко есть. И еще что ты спас меня. То есть вы все спасли, но если бы не ты... но ты знаешь, ты тоже сам виноват ведь! Если бы меня тогда не усыплял, я б и не думала... а ты... а...

Ратмир слушал, чуть приподняв брови. На груди его поблескивал, будто крохотное зеркальце, медальон.

На очередном шаге царевна запнулась и едва не упала прямо на богатыря. В последний миг колдун все-таки подхватил ее. Лицо его оказалось близко-близко.

И на какой-то миг Альке вдруг показалось, что если сейчас опустить веки, повторится тот самый поцелуй в темноте ночной чащи. Нельзя так, не здесь, ведь увидит кто...

Веки сами собой опустились, а губы чуть приоткрылись. Сильные руки опустились на ее плечи...

И хорошенько встряхнули.

Алька распахнула глаза.

Ратмир пристально посмотрел в них и облегченно вздохнул.

– Зрачки не расширены... реакции в норме. Поберегла бы ты себя, царевна. Считай, что извинения приняты. Отдыхай теперь.

– Да я уж на полжизни вперед наотдыхалась! – в сердцах Алька даже ногой топнула.

Выпустив ее из рук и отступив на пару шагов, в следующий миг колдун уже обернулся чернокрылым соколом – и взмыл в небо.

– ...Хотела сказать “спасибо”, – растерянно пробормотала царевна.

От колдуна пахло... полынью. Тимьяном. Еще какими-то травами.

– Скажешь еще, – голос раздался из-за спины, и Алька резко развернулась.

На пороге избы стоял, привалившись к дверному косяку и сложив руки на груди, Анжей. Лицо его как-то болезненно кривилось. Впрочем, в следующий миг он привычно беззаботно усмехнулся.

Много он видел?

– Вернется твой спаситель, никуда не денется, отблагодаришь по-царски...

Насмешливый тон окончательно вывел из равновесия царевну – и без того не больно-то спокойную.

– А тебе что – завидно? Сам-то что делал, чтоб меня спасти?

– Ничего, – Анжей пожал плечами. – Мне досталась небольшая легкая прогулка. Шла бы ты и впрямь отдыхать, царица. Тебе лекарь велел.

*

– Ты разочаровал меня, сын, – слова короля, тяжелые, как камни, падали в гулкую тишину. – Тебе было дано простое поручение. Ты не справился. Ты ни на что не способен. Впрочем, этого следовало ожидать. Ты слаб.

Владелец Тридесятого королевства был зол настолько, что темнело в глазах. И именно поэтому его голос оставался как никогда ровным.

Сын... единственный сын – это ничтожество?! Надо было придушить свою жену-княжну сразу после свадьбы. Княжество в приданое – это все, чем она могла быть полезна. Все эти изнеженные дамы не способны рожать сильных сыновей – что его жена, что фаворитки. Стоило жениться на ком-то покрепче. Да хоть на той рабыне, что родила его единственного бастарда. Он, по крайней мере, был похож на отца, в отличие от этого размазни.

Увы, рабыня умерла при родах, да и мальчишка-раб в конце концов сбежал. Жаль. Вряд ли он мог быть чем-то полезен, бастард и сын рабыни не имеет никаких прав, но посмотреть на него было бы все же любопытно...

Юноша по ту сторону зеркальной рамы, казалось, вовсе забыл, как дышать – замер изваянием. Не двигалась и старуха за плечом Его Величества. Она тяжело опиралась на посох, низко опустив голову с надвинутым на глаза капюшоном.

– Отец... – сглотнув, юноша наконец решился заговорить, однако тотчас замолк, остановленный нетерпеливым властным жестом короля.

– Что ж, эти девки сами виноваты. Придется действовать... по-другому. Возвращайся. Я решу, что с тобой сделать. – Дернув уголком рта, король резко развернулся и вышел из залы.

Старуха не сдвинулась с места.

- Тетушка, - негромко произнес Елисей по ту сторону зеркала, и колдунья наконец подняла голову. - Вас я тоже... разочаровал?

Несколько мгновений она молчала, глядя на юношу с досадой и грустью одновременно.

- Я ошиблась, - ответила она наконец. - Снова. Это не твоя вина.

Сколько попыток у нее уже было за все эти столетия? Эксперименты с отражениями, поиски чистых душ, разработки "идеальных" ядов, попытки разобраться с этим самым ненадежным из всех условий заклятий - любовью...

"Когда любовь победит смерть и две чистых души найдут себя, отразившись друг в друге". Ее сестра была безумна, сошла с ума от горя... впрочем, возможно, все совсем наоборот. Проклятие не сработало бы без ограничивающего условия. Вот она и нашла - такое, чтоб выполнить его было невозможно.

Колдунья горько усмехнулась. Сестра поставила еще одно условие - поскольку задолжала ведьма королевской семье, те, кто снимут проклятие, тоже должны быть правящего рода.

Часто ли в королевских семьях появляются те, кого можно назвать чистыми душами? И какие, леший их дери, души вообще можно считать чистыми?! С этим ограничением снять проклятие казалось вовсе невыполнимым.

И все-таки колдунья пыталась. Все эти годы неустанно искала. Искала среди всех без исключений отпрысков королевских семей. И бесконечно ошибалась.

Что ж... всего лишь придется начинать все заново. Привыкать ли ей?

- Возвращайся, мальчик, - устало произнесла она.

Елисей часто закивал.

– Ага... тетушка! А в какую сторону теперь возвращаться?

*

Корчма у самых ворот небольшого приграничного городка была невелика, но народу в ней хватало всегда. Попадались здесь и странники мимоезжие, и местные завсегдатаи – публика шумная и не самая почтенная, зато постоянная. Сидр и медовуху здесь разбавляли в меру, да и кормили вполне сносно. Насмерть, по крайней мере, никто пока не травился, а если кто и маялся после животом – улыбчивая жена корчмаря тому от щедрот душевных предлагала мятного взвару.

– ...А настоящую царевну, говорят, та ведьма и вовсе отравила, чтоб навечно ее место занять! И стерегут теперь царевнино тело ведьмины богатыри из особого отряда...

Публика была уже изрядно выпившая, а потому сказочки заезжего бродяги слушала благосклонно.

Один только добродушный корчмарь, протиравший стойку – без особого успеха, поскольку тряпка была ничуть не чище – отчего-то крякнул.

– Эх ты, мил человек... про царицу-то нашу загнул.

– А чего? – бродяга, мелкий и верткий человечек в пыльной одежде, развернулся на лавке, хлопнув по столу кружкой. – Али не все знают, что она ведьма недоученная? И клятвы, стало быть, чародейской не давала!

– Ну, положим, и ведьма...

В корчме загудели.

К правительнице Наине в народе относились по-разному. Все больше – настороженно. С одной стороны – не дело девке одной на троне сидеть. Испокон веку в Тридевятом царь с царицей вместе правили. С другой – о народе правительница вроде как заботилась, просителей всегда выслушивала

внимательно, немало добрых дел переделала. А с третьей стороны – вон, подати недавно снова подняли. Кому такое понравится? А еще – в солдаты по селам стали вдвое больше прежнего парней забирать. Это уж вовсе никуда не годится!

– Короля Демара она боится, – чуть понизив голос, с заговорщицким видом сообщил бродяга. – Вот и армию собирает. Сынок-то Демаров честь по чести к царевне сватался, у них еще с царем Игнатом все сговорено было. А теперь, значит, Елисееву невесту того... вот царица и боится, что король Демар-то ей окорот даст. Восстановит, стало быть, справедливость...

– Тело-то зачем стеречь?

Вопрос был задан незнакомым голосом, и корчмарь поискал глазами его обладателя.

Верно, еще один бродяга. Вон, в углу сидит сычом – сам чернявый, явно не местный, нос клювом, да еще глазами так и зыркает. Не шпион ли какой?..

Словоохотливый рассказчик на мгновение растерялся, закрутив головой.

– Чего?

– Тело, говорю, царевнино зачем богатыри стерегут? Раз уж она отравлена.

– Так... чтоб Елисей не забрал!

– А ему мертвое тело на кой?

Тут и там кто-то хохотнул, сообразив, что сказочка у странника и впрямь вышла хоть и страшная, да только странная какая-то. Сказочка и есть!

Да и кто поверит, что богатыри особого отряда таким черным делом занимаются? Про царицу-то всякое говорят, но богатыри – заступники, защитники, про них каждый слышал немало.

Рассказчик принялся что-то объяснять, все больше запутываясь, но слушали его уже с куда меньшим вниманием.

Темноволосый незнакомец в углу поднялся со своего места, бросил на стол пару монет и вышел.

Хлопанья крыльев за дверью в корчме уже никто не слышал. А и услышали бы – не обратили внимания.

А соколу с черными крыльями пора было лететь дальше – через границу.

Глава четвертая, в которой рассказывается история одного убийства

– Савелий! – царевна под села к богатырю, чистившему свой меч, и тот поднял голову. – Ты обещал, что расскажешь о каждом, когда я разгадаю твою загадку.

...Полынью он пахнет. Полынью! И тимьяном. А не хвоей вовсе. И с чего это ей в голову вдруг взбрело? Глупость какая. Да ведь и не нравился он ей никогда, колдун этот носатый. Пугал больше.

Не нравился!

Только кто же тогда?..

А все ж любопытно. И ведь, кажется, догадалась о нем...

Савелий чуть усмехнулся.

– А что же – всех разгадала?

– Не всех... но про Ратмира-то – угадала ведь? Это он... его ты назвал убийцей, так? И... я думаю, что любовь его погубила. Верно?

Савелий, вздохнув, отложил меч.

Неужто угадала?

– Расскажешь?

– Не знаю, стоит ли... ну да, раз обещал... да и не возражал тогда вроде никто. Эту историю, кроме меня да Михайлы, никто не знает. Ратмир ее сам рассказал, когда в отряд принимали. Судите, мол, как хотите. Хотите – казните...

По правде сказать, не возражал тогда никто, верно, оттого что все уверены были: нипочем Алевтине той загадки не разгадать. Ну да что уж теперь...

*

...Несравненную Изабеллу Ратмир впервые увидел на приеме у градоначальника. Юноша заканчивал тогда четвертый курс, и был в числе особо отличившихся студентов академии удостоен чести получить приглашение на городской бал.

Дамским угодником он не был никогда. В то время как сокурсники всю устраивали личную жизнь, Ратмир был погружен в науку и стремился к своей великой цели, порой проводя целые ночи в лаборатории за расчетами и опытами. Какие-то девушки у него появлялись, но ни одна не выдерживала соперничества с его истинной страстью – магией.

Собственно, и этот прием казался ему скучной повинностью, отвлекающей от действительно важных и интересных дел.

Но это было ровно до того момента, когда несравненная Изабелла подошла к нему и сама пригласила на танец.

Она была яркой, мгновенно притягивающей все взгляды. И одновременно – хрупкой и нежной, как экзотическая бабочка или оранжерейный цветок. Ее хотелось защищать и ей хотелось поклоняться. Она смеялась хрустальным смехом и расточала улыбки. И не любоваться ею было невозможно.

Во время танца она начала расспрашивать студента о его исследованиях. И неожиданно всерьез ими заинтересовалась. Задавала вопросы, внимательно слушала. Конечно, Ратмир был готов говорить о них бесконечно. А уж говорить с той, что смотрела на него сияющими от восторга глазами...

Потом была прогулка под руку в парке. И снова бесконечные разговоры. Прекрасная госпожа Линден почти не говорила, предпочитая задавать вопросы и слушать. Но чувствовалось: это не светская болтовня, ей в самом деле интересно, она хочет узнать как можно больше о собеседнике.

Конечно, Ратмир знал, что влюбляться в эту женщину, как бы прекрасна она ни была, нельзя – ведь она замужем, и это было бы бесчестно. Да и разве могла бы блистательная супруга градоправителя когда-то ответить взаимностью? Она казалась такой счастливой!

Но разве не мог он поддерживать с ней дружбу и... просто украдкой любоваться?

А потом Изабелла случайно зацепилась за ветку розового куста – и пока пыталась высвободиться, с ее локтя сползла длинная шелковая перчатка.

Синяк на предплечье женщины выглядел так, будто кто-то грубо хватал ее за руку и держал против воли. Этот след смотрелся настолько неуместно на белоснежной коже первой красавицы города, что Ратмир не сразу поверил глазам. Изабелла тотчас поспешно одернула перчатку и попыталась сделать вид, что ничего не случилось.

– Пойдите! С вами... что-то произошло? Кто-то осмелился...

– Пустяки! – девушка очаровательно улыбнулась. – Ерунда, не стоящая вашего внимания. Я просто немного ушиблась. Я порой бываю такой неловкой.

– Позвольте, я по крайней мере залечу вашу руку!

– Нет! – Изабелла чуть отшатнулась. – То есть... простите, в этом нет никакой необходимости. И мой супруг...

Как раз в этот миг в другом конце аллеи показались несколько человек – мысль прогуляться по парку пришла в голову многим гостям. В их числе оказался и сам градоправитель. Высокий, крупный мужчина. Куда старше Изабеллы – но далеко не старик. Вполне крепкий еще, ширококостный, с крупными руками и широким добродушным лицом.

И взгляд, который бросила на него великолепная Изабелла, показался вдруг Ратмиру каким-то... затравленным?

*

Прислать даме букет цветов после бала – обычное дело, никто и внимания на такое не обратит и не сочтет предосудительным. Даже если дама замужем.

А если в букет, помимо ничего не значащей записки, вложена баночка с зачарованной мазью от синяков – кому какое до этого дело?

Здесь бы и стоило поставить точку в этой истории. Пустяковый знак внимания, незначительная услуга – все это в пределах приличий и вполне дозволительно в обществе. А что до странных взглядов – да полноте, были ли они в самом деле?

И впрямь, да мало ли что там студенту показалось? Взгляды, вздохи – все это могло быть лишь игрой воображения. А синяки... Да ведь дама объяснила. В самом деле, всякое случается в жизни.

Вторая встреча была как будто случайной – Ратмир выбрался в аптеку в Городе-у-Моря за кое-какими травами. Там и застал он прекрасную Изабеллу, прикрывающую лицо вуалью. А когда женщина вуаль подняла, под ней обнаружилось бледное лицо и заплаканные глаза.

– Я искала... вы присылали мне такую чудную мазь, быть может, вы сумеете мне посоветовать... – говорила госпожа Линден сбивчиво, опустив глаза и комкая в руках платок. И ничем не напоминала сейчас ту великолепную жену градоправителя, что блистала на балах и сияла неизменной улыбкой. Впрочем, прекрасна она была даже теперь. И очень печальна.

...Так началась эта странная дружба, которая очень скоро переросла в нечто куда большее. Изабелла поведала о том, что происходит в ее жизни. Замуж ее выдали, не спрашивая о ее желаниях. Впрочем, она, сирота-бесприданница, даже радовалась решению опекуна: все-таки муж не старик, богатый и знатный, с положением в обществе... увы, с мечтами о счастье пришлось расстаться в первые же дни своего замужества. Градоправитель Линден оказался домашним тираном, безжалостным и жестоким. И лишь на людях они должны были играть роль счастливой и любящей семейной пары. Его жене некуда было обратиться и некому жаловаться – никто не поверил бы ей. Да и влияние градоначальника позволило бы замять любой скандал.

– Иногда мне хочется просто наложить на себя руки, – говорила она. – Но я не могу... мне не хватает духу. И я не могу оставить тебя. Ты – единственное, что есть светлого в моей загубленной жизни.

По нежной щеке Изабеллы скатывалась хрустальная слезинка, и Ратмир стискивал кулаки.

Они встречались в сторожке в городском парке. Заброшена она не была, но сторож недавно уволился, и нового почему-то никак не могли нанять. Эта сторожка с крохотной полутемной комнаткой, где стояла скрипучая мебель и где нельзя было зажигать огня, чтобы никто не увидел, стала их убежищем, их маленьким раем на двоих.

Изабелла сама впервые привела туда Ратмира за руку. И сама начала снимать с него одежду. Он никогда не осмелился бы на такое – возлюбленная казалась ему хрупким цветком, к которому и притронуться-то лишний раз страшно.

Там были торопливые горькие поцелуи, жаркий шепот, прикосновения и ласки, переполненные страстью и нежностью. И отчаянные объятия после. Каждый раз – как в последний. Так невозможно казалось отпустить эту женщину обратно – в боль и безнадежность.

– Я скоро закончу академию, – говорил он. – Мы сбежим! Вместе. Я смогу содержать нас обоих...

Предлагать такое было непросто. Ратмир всегда мечтал, что будет заниматься наукой – и где, как не в академии? Но если на кону – счастье любимой

женщины, мечта может и подождать.

Однако Изабелла лишь тихо невесело рассмеялась.

– Я не могу от него уйти. Мой опекун... он не знал, что все так выйдет. Он хороший человек, и я многим ему обязана. Муж сказал, что если я уйду, мой опекун окажется в долговой тюрьме. Я не могу так поступить с ним. Да и меня муж все равно разыщет. Ты... ты не знаешь Линдена. Он страшный человек. И у него достанет влияния, чтобы разыскать нас где угодно – и погубить не только меня, но и тебя... Если бы он мог просто исчезнуть! Умереть. Мы поженились бы с тобой. Жили бы счастливо, только ты и я. У нас был бы маленький домик. Ты занимался бы своей магией, а я ждала тебя каждый вечер... Иногда мне кажется, что я могла бы его убить. Но тогда мы с тобой все равно не будем вместе, меня посадят в тюрьму. Если бы он просто мог умереть. Просто умереть...

Последние слова Ратмир слушал, будто не до конца понимая их смысла.

– Ты же знаешь... я маг. Я не могу совершить убийство. Мы клянемся не творить зла. Моя клятва пока не закреплена чарами, но...

– Конечно, любовь моя, – Изабелла закрыла ему рот поцелуем. – Я никогда не стала бы просить тебя о таком.

Такие разговоры повторялись не раз. И каждый раз, видя синяки и ссадины на совершенном теле любимой женщины, юный колдун стискивал зубы и задыхался от ненависти.

Мысль о том, что господину Линдену было бы лучше просто умереть, освободив прекрасную Изабеллу, все чаще возникала в голове Ратмира.

Разве он не маг? Разве не может сделать так, чтобы никто ничего не заподозрил?

А клятва... что, в конце концов, есть зло? Разве не доброе дело – освободить от жестокого тирана ни в чем не повинную молодую женщину? Разве сам господин Линден – не зло во плоти?

Яды и противоядия были специализацией и темой диплома Ратмира. Чтобы знать все о лечении, надо знать все о болезни. И он знал все о ядах.

Месяцы проходили будто в тумане. Редкие жаркие встречи, горячий шепот в темноте. А днем – снова лекции и семинары, вдруг оказавшиеся какими-то неважными, будто все это – совсем из другой жизни, ведь настоящее – лишь там, в тесной парковой сторожке. И все, что казалось смыслом жизни прежде, отошло вдруг на дальний план.

Ратмир создал для Изабеллы гениальный яд. Идеальное орудие убийства. Потому что отравленный этим ядом умирал своей смертью – и от исключительно естественных причин. Этот яд, за полчаса испарявшийся из открытой посуды без следа и неопределимый в крови никакими исследованиями, на самом деле не убивал – он только слегка подталкивал.

У каждого человека, даже внешне совершенно здорового, найдется слабое место в организме. Скажем, у кого-то смолоду пошаливает сердечко. Ну как – пошаливает: колотится порой слишком заплотшно от испуга или от радости, а когда и покалывает. Но с таким сердцем вполне можно прожить долгую счастливую жизнь... а можно и не прожить. У кого-то не совсем в порядке печень, у кого-то почки. И если это «не совсем» чуть-чуть подтолкнуть...

Или, скажем, аллергические реакции. Чаще всего они проявляются насморком, сыпью и другими неприятными, но не смертельными симптомами. Но иногда – нечасто, но случается – шок и мгновенная смерть.

От обычной простуды люди порой умирают. Да, это бывает редко, и чаще с теми, кто и так был нездоров и ослаблен, но ведь – случается же!

Невинная царапина на пальце может привести к заражению крови. А несвежий пирожок, купленный на улице, – к отравлению. Обычно не смертельному, конечно, но...

На самом деле человек десятки и сотни раз в своей жизни, а то и не один раз на дню, оказывается в ситуациях, когда он мог бы умереть – причем исключительно от естественных причин. Но обычно все силы организма направлены на то, чтобы это предотвратить. И вероятность смерти из-за царапины или простуды очень-очень невысока. Такие «везунчики» бывают, и все об этом знают, но никто не

пишет завещание, оцарапав палец.

Но если сменить вектор – сделать так, чтобы организм не сопротивлялся, а, напротив, сам искал смерти, стремительно распространяя в крови яды, размножая вирусы, пестуя болезни... человек проживет очень недолго. Любой человек. И смерть его всех удивит – надо же, какая нелепость! – но не вызовет никаких подозрений.

Человек, принявший яд Ратмира, не умирал сразу и оставался внешне совершенно здоровым, так что отравителю не грозили никакие подозрения. Просто этот человек уже носил в себе свою смерть. И произойти она могла в любой момент – через день, неделю или месяц. От невинной болезни, что была у него много лет и никогда не беспокоила, или от первой же хвори, какую в ином случае он мог и не заметить. А то и вовсе от пустяковой занозы.

Изабелла плакала и говорила, что не сможет сама подлить яд – несмотря ни на что. Конечно, Ратмир не мог и просить ее об этом. Он должен был сделать все сам.

Он пришел в дом градоправителя, не скрываясь, – якобы чтобы поблагодарить госпожу Линден за рекомендательное письмо. В руках у него был букет цветов и бутылка великолепного красного вина.

– Мы познакомились с этим талантливой юношей на приеме в прошлом году, – говорила Изабелла мужу с чарующей улыбкой. – Ты должен помнить, дорогой. Когда я услышала о вакансии в городской управе, сразу подумала о нем.

– Надо же, – удивился господин Линден. – Я не видел твоей рекомендации. Ты раньше не интересовалась делами управы. Впрочем, я, конечно, доверяю твоему мнению. Мои люди непременно рассмотрят все рекомендации и обратят на юношу внимание.

Явившегося так неожиданно студента принимали в малой гостиной. И, конечно, ему предложили закуски, а расторопный слуга тотчас разлил по бокалам вино – дань вежливости, даже если о своем визите гость не извещал заранее.

Вскоре на стеклянном чайном столике теснились блюда с фруктами, сырами – и три хрустальных бокала. Лучшего случая и придумать было нельзя.

Изабелла вовремя отвлекла супруга, окликнув и отозвав для чего-то в сторону. Быстрым движением извлечь из рукава крохотный флакон с прозрачной жидкостью, отщелкнуть пробку, наклонить над бокалом. Достаточно пары капель. И снова спрятать флакон.

И вот хозяйева уже вернулись за столик, где в одном из трех бокалов с великолепным красным вином поджидала смерть.

Изабелла, усаживаясь на свое место, украдкой пожала под столом руку Ратмира. Повернувшись к ней, колдун ободряюще улыбнулся. Дело сделано, любовь моя. Теперь все будет хорошо.

Оборачиваясь обратно, лишь краем глаза он уловил бесшумное движение. Господин Линден... поменял местами бокалы?

Ближе к нему был бокал Ратмира, до Изабеллиного он не дотянулся бы незаметно. Значит, отравлено теперь вино колдуна?

Возможно, все сложилось бы совсем иначе. Если бы не зеркало на стене. Подняв взгляд от бокала, чтобы посмотреть на градоправителя, Ратмир уловил отражение Изабеллы.

Прекрасная жена градоправителя смотрела на него торжествующе и чуть насмешливо.

Так, будто и она успела заметить, что сделал ее супруг.

Так, будто это ровным счетом ничего не меняло.

*

В одно мгновение в голове Ратмира пронесся целый вихрь безумных мыслей.

Что, если все было совсем не так? Что, если Изабелла – не столь уж невинная жертва?

Да и жертва ли?

Он знал обо всем только с ее слов. Синяки и ссадины? В сторожке всегда царил полумрак. Лечить себя Изабелла никогда не позволяла – чтобы муж ничего не заподозрил. Могли ли эти следы быть ненастоящими? А если и настоящие – действительно ли оставил их именно господин Линден?

Впрочем, след на ее руке юный маг видел при дневном свете. Да и будь между супругами все гладко... едва ли градоправитель стал бы сейчас заменять бокалы.

На том приеме, где они познакомились, о специализации особо отличившихся студентов объявлялось во всеуслышание. Случайно ли Изабелла подошла именно к знатоку ядов? Случайна ли была их встреча в аптеке – ближайшей к академии, но не к дому Линденов?

После смерти бездетного градоправителя его молодая вдова получит немалое наследство, обретет свободу, самостоятельность и сможет сама устраивать свою жизнь.

Вот только нужен ли ей будет в этой жизни нищий безродный студент, пусть и сколь угодно талантливый и влюбленный? И... нужен ли будет великолепной Изабелле свидетель и соучастник – единственный, кто знает о ней слишком многое?

При последней встрече в сторожке Ратмир показывал любимой флакон с ядом и рассказывал о нем. У нее было сколько угодно возможностей отлить оттуда немного. Как и сейчас – добавить несколько капель в еще один бокал.

Если все так... тогда то, что сделал градоправитель, и впрямь ничего не меняет. Ведь он всего лишь поменял местами два бокала с отравленным вином.

Дверь без стука отворилась – вошел слуга с еще одним подносом. Лишь на мгновение головы господина и госпожи Линден повернулись к нему. И у Ратмира был всего один миг, чтобы принять решение и воплотить его. Одним молниеносным движением – снова поменять бокалы.

Свой и Изабеллы.

И лишь уже сделав это, юный колдун начал сомневаться. Что если ему показалось? Что если улыбка Изабеллы ничего не значила? Она ведь могла попросту ничего не заметить. И тогда отравленный бокал только один. И этот бокал он, Ратмир, только что своими руками отдал любимой женщине.

Прав ли он был?

- Что ж, - градоправитель Линден хлопнул ладонями друг о друга. - Давайте же выпьем за талантливую юную мага и его будущую успешную работу!

Ратмиру хотелось закричать. Остановить Изабеллу. Выбить бокал из ее рук. Сделать что угодно, чтобы прекратить все это.

Изабелла нежно улыбалась и смотрела в его глаза, поднося бокал к губам. И, будто зачарованный, он сделал то же самое.

Три человека, три бокала. И яд может быть в одном или в двух из них.

Если яд в двух бокалах - значит, Ратмира предала та, кого он любил настолько, что решился ради нее на убийство. Та, кому так верил, что для нее пошел против своего слова и совести. Значит, не было никогда никакой любви, значит, она всегда лишь использовала его и его дар, собираясь хладнокровно избавиться, когда он перестанет быть нужен.

Если же яд лишь в одном бокале - значит, она была верна ему. Значит, не предавала. Значит, и впрямь была лишь жертвой, которой просто не к кому больше было пойти. И значит, он, Ратмир, из малодушия и трусости убил ту, что так любила и беззаветно ему верила. Убил, сохранив жизнь ее мучителю.

И он не знал, какой исход страшит его больше. Быть предателем - или преданным?

А убийцей он был уже в любом случае. И не было ему надежды ни на прощение, ни на искупление. Потому что не перед кем виниться и молить. Потому что простить можно друга, любимую и даже врага. Но простить самого себя -

невозможно.

Спустя неделю до академгородка дошли слухи о нелепой смерти блистательной Изабеллы Линден, которую укусила пчела. Первая красавица Города-у-Моря упала в обморок и больше не приходила в себя. Остановка сердца.

Тогда Ратмир впервые в жизни всерьез напился. Он пил еще три дня и думал уже о том, чтоб просто прекратить все, приняв пробирку собственного яда. Наверное, это было бы справедливо. Только слишком медленно.

А еще через три дня стало известно, что несчастный вдовец Линден на похоронах обожаемой супруги перебрал лишку и умер, задохнувшись во сне. Люди говорили, от горя. Хотя в свидетельстве о смерти значился некрасивый и стыдный диагноз – «захлебнулся рвотными массами».

Конечно, следов яда в крови обоих никто не нашел.

Тогда Ратмир перестал пить. Было противно. Он отправился в лабораторию и тщательно уничтожил все следы своих экспериментов и записи об исследованиях, как и остатки экспериментального яда. Никто и никогда не должен был узнать о его существовании, о самой возможности создать эту дрянь.

А затем, никому не сказав ни слова, лучший выпускник за последнее десятилетие собрал свои вещи и ушел из академии навсегда. До получения диплома ему оставалось меньше месяца, но это было уже совершенно неважно. Свою клятву он нарушил заранее и просто не имел на нее права. Как не имел больше права заниматься наукой – потому что свою науку он тоже предал, сделав орудием убийства.

Так считал он сам, и это было единственное мнение, которое имело значение.

*

Алевтина сидела, не шевелясь и не находясь, что сказать. Так вот как... вот почему Ратмир не доверяет женщинам. И характер у него, наверное, не зря

такой скверный. Но разве можно вот так отказываться от своей мечты из-за чужой подлости? Будто сам себе приговор вынес...

- А... а вторую историю - расскажешь мне?

- Это про кого же? - Савелий прищурился.

- Про труса! Я ведь угадала - это Анжей? Он от поединка сбежал, да еще врет...

Богатырь усмехнулся.

- Не будет тебе нынче второй истории. Думай дальше.

Глава пятая, в которой отряд собирается в поход

Алька сидела в засаде.

Хотя, если быть вовсе уж точными, в засаде она скорее лежала. Из ее волос торчал пучок камышовых стеблей. Чем пахнет выпачканная в болотной грязи одежда, девушка старалась и вовсе не думать.

Все потому что Акмаль и Олешек наотрез отказались изображать гусыню.

Вызвалась, царевна, на очередное задание? Вот и лежи со свистком у губ в камышах... жди.

Колдуна не было уже больше месяца, и пару седмиц назад прилетел голубь от государыни Наины Гавриловны с отменой прежнего распоряжения передавать текущие задания страже. У стражников по городам и весям без того сейчас забот хватало - то учения, то усиление границы.

Алька старалась вызываться на каждое задание. Не всегда ей позволяли, однако и в походах она уже побывала не раз. И даже перестала замирать в бою, забыв

про все, чему учили богатыри. Будто такой жизни ей и надо было всегда. Помогать, спасать, выручать. В кои-то веки чувствовать, что делает что-то действительно важное, нужное.

Не сидеть же, раздумывая, отчего поцелуй Елисеев не разбудил ее. И отчего после Елисей не вернулся, уехал, сказывают, вовсе.

Не лелеять же планы, как бунт против сестрицы Наины поднять. Уж и самой это глупостью кажется.

А только... возвращаться в царский терем али в академию ехать не тянет что-то. Обида-то никуда не делась. Да и здесь, среди богатырей – будто на своем месте она, Алевтина. Не неудачная царица, которой никогда до собственной старшей сестры не дотянуться, а младшая ученица в богатырском отряде. Может, и не все у нее сразу получается. Так ведь и терем строят по бревнышку!

Правда, все эти соображения нисколько не делали болото менее пахучим. Да и комары добрее не становились. А смахивать-то нельзя – заметят. Гуси и обычные-то, сказывают, умные птицы. А уж гуси-лебеди...

Гусей-лебедей, говорят, вывела в далекой древности какая-то ведьма, скрестив обычного гуся с мелкой нечистью. В те времена маги не давали еще клятв не причинять зла, и зубастые хищные птички добывали той ведьме детишек для опытов.

Столетия спустя гуси-лебеди, одичав без присмотра, стали перелетными птицами, и на лето это бедствие прилетало в Тридевятое. Уж как только ни пытались их отвадить!. Бить-то без нужды нельзя: Совет Магов из Города-у-Моря объявил птичек реликтовой нечистью. А вот заполучить себе экземпляр-другой для изучения мечтал каждый колдун. Мечтал, да все без толку: полуразумные птички никому не давались в руки. А вот детишек по старой памяти и похищали, случалось.

Вот и сейчас прилетела к богатырям весточка из села у болота, что похитили гуси-лебеди ребятенка малого. Надо, стало быть, ребеночка спасти, гусям-лебедям окорот дать, а лучше того – вовсе из здешних мест выгнать, чтоб неповадно было.

Вообще-то Алька, памятуя свой опыт с курами, подозревала, что с гусями-лебедями у нее тоже не сложатся отношения. А куда деваться? Дело есть дело.

Вот и лежала теперь в камышах на мокрой топкой земле у мелкого озерца с заболоченными берегами, клин в небе высматривала. Где-то тут неподалеку у них гнездовья.

Бывалые охотники сказывают, чтобы гуся подманить, чучелко сооружают, али из дощечек обманку вырезают. Еще в свистки-манки дуют – птичьими голосами подзывают. Гуси вроде как к своим и приземляются.

Чучело гуся-лебедя сооружать было не из чего. Такого поди сооруди!

Вот и лежала царевна по уши в грязи и с перьями в волосах. Комаров кормила. Таилась. Надеялась, что хищные птички на один только голос подманятся.

Клин оказался невелик – всего-то пять птиц, но заметно их было издалека. А стоило Альке дунуть в свой манок, издавший протяжный гогочущий звук, гуси-лебеди резко изменили направление полета, с таким целеустремленным видом и такой скоростью направившись к земле, что так и показалось, будто сейчас вожак-то точно клювом в болото воткнется.

Не воткнулся. У самой озерной глади снова резко изменил положение тела и затормозил о воду. Следом плюхнулись и остальные птицы.

Выглядели гуси-лебеди... да, собственно, как гуси они и выглядели. Разве что размером с доброго теленка каждый. Да еще в клювах у них в два ряда такие зубищи росли, что впору серому волку обзавидоваться. Гуси тянули шеи в разные стороны, высматривая, кто кричал. И только вожак, мгновенно сориентировавшись, устоял точно в те камышовые заросли, где затаилась охотница.

Алька почувствовала, как вопреки припекающему жаркому летнему солнышку по спине пробежал холодок. Где там богатыри с сетью?! На всякий случай она, стараясь не приподниматься, чуть отползла назад.

Гусь издевательски гоготнул и выбрался на берег.

Царевна оглянувшись, шустро отползла еще немного.

– Ч-шшш-тоо? Боишшшшссся, охххотнитсссссаа? – зубасто осклабился гусь.

Алька икнула. О том, что гуси-лебеди вполне человеческий язык понимают, она слыхала, но почему-то думала, что сказки все это. А оно вон как.

Гусь угрожающе выгнул змеино-гибкую шею.

И в этот миг с двух сторон от него из камышей наконец выпрыгнули Олешек и Акмаль, мгновенно накинув на птицу сеть. Та зашипела, загоготала, забилась, однако богатыри, упав животами на края сети, держали крепко.

А потом гусь вдруг как-то замер. И хитро покосился глазом из-под сети на своих гусынь.

Две из них, как оказалось, успели тоже выбраться из воды и подбирались к богатырям сзади. Гусыни были помельче, поизящнее и совсем не казались такими грозными, как их огромный вожак.

– Девочшшшшки, – как-то даже нежно прошипел он. – Куссь.

В следующий миг зубастые клювы сомкнулись на ягодицах богатырей, и те со слаженным воплем взвились, пытаясь стряхнуть с себя повисших птиц и молотя руками во все стороны.

Гусь с самым благостным видом наблюдал за этим безобразием, а вот сеть опасно затрепыхалась.

Поняв, что если ничего не предпринять, победа останется за мерзкими птичками, Алька запретила себе рассуждать и с отчаянным боевым воплем прыгнула прямо на гуся.

*

– За утро сегодня три голубя разом прилетели, – Михайла хмурился, глядя в стол. – Все из приграничных сел. У границы с Тридесатым королевством.

– И что там? – Савелий, сидевший напротив за пустым столом, устроил подбородок на сцепленных замком руках.

– Плохо дело, – отвечал глава отряда, вовсе сведя брови к переносице. – Нечисть окрестная вся будто с разума вовсе сошла. Разом. Водяницы рыбаков да купальщиков без разбору топят. Лешаки грибников-ягодников до смерти морочат. Слухи ходят, будто не только Аука, а и Лихо Одноглазое в бору завелось. На болоте кикиморы взбесились. А еще говорят, будто и со зверьем лесным неладное творится. Волков втрое против прежнего сделалось – да огромные, свирепые, как волкодлаки. Про упырей болтают. Стражи приграничной там немало теперь, да вот не справляется. Лихих людей бы окоротили, а с нечистью куда простым стражникам дело иметь...

– Надо ехать, – высказал Савелий очевидное.

– Надо, – кивнул Михайла. – Только кому?

– Всем, конечно.

– Угу. А кому – всем?

Савелий невесело и понимающе усмехнулся. Да уж... не из простых задачка.

Если где одно какое чудище завелось – на задание мог отправиться и один богатырь али двое. Но на такие серьезные задачи, как правило, отправлялся если не весь отряд, то большей частью. На хозяйстве и одного ученика можно оставить – а то и вовсе из ближнего села бабу какую нанять за живностью присматривать.

Вот только сейчас учеников-то двое, и один из них – то есть одна – особа царская.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/filimonova_natal-ya/carevna-carica-bogatyr-i-ptica

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)